

Г И Й О М
М Ю С С О

прошло семь лет...

Никогда не поздно все изменить

Гийом Мюссо

Прошло семь лет...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42209886

*Прошло семь лет...:
ISBN 978-5-699-88041-6*

Аннотация

В том, что брак Себастьяна Лараби и Никки Никовски распался, не было ничего удивительного. У аристократичного, прекрасно образованного Себастьяна и взбалмошной, не обращающей внимания на условности Никки не было ничего общего. Лишь одно их объединяло: оба обожали своих детей, близнецов Джереми и Камиллу.

Когда Джереми исчез, они забыли о семи годах «холодной войны», о взаимных обидах и претензиях. Теперь они снова – пара и не остановятся ни перед чем, чтобы спасти своего ребенка.

Содержание

Часть первая	5
1	5
2	11
3	15
4	23
5	30
6	34
7	40
8	48
9	54
10	60
11	66
12	71
13	76
14	83
15	87
16	93
17	97
18	102
Конец ознакомительного фрагмента.	104

Гийом Мюссо

Прошло семь лет...

© Кожевникова М., перевод на русский язык, 2016

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

Часть первая

A Rooftop In Brooklyn¹

1

Уютно свернувшись клубком под одеялом, Камилла наблюдала за дроздом, усевшимся на карнизе. Там, за окном, веселился осенний ветер и светило солнце, бросая сквозь листву золотые блики на стекла. Всю ночь шел дождь, а сейчас, поутру, небо сияло безоблачной синевой, обещая чудесный октябрьский денек.

В изножье кровати золотистый ретривер поднял голову и нацелил на девочку черный нос.

– Иди сюда, Бак! Иди, мой хороший, – позвала она, хлопывая ладонью по подушке.

Пес не заставил себя ждать. Одним прыжком очутился рядом с хозяйкой, рассчитывая получить положенную поутру порцию ласки. Камилла поглаживала крутой собачий лоб, трепала висячие уши, наконец сурово приказала себе:

– Подъем, чмо ленивое!

И с сожалением выбралась из теплого гнезда. Мигом оде-

¹ Бруклинская крыша (англ.). Строчка из песни в фильме «Бруклинские полицейские».

лась, влезла в кроссовки, накинула ветровку, кое-как заколола длинные светлые волосы.

– Вперед, Бак! Шевелись, толстячок! Пошли бегать! – позвала она собаку и сама помчалась вниз по лестнице, которая вела в просторный холл.

Все три этажа элегантного таунхауса из коричневого камня выходили в атриум со стеклянной крышей, сквозь которую проникал естественный свет. Вот уже третье поколение семейства Лараби владело этим таунхаусом.

Дом был старым, зато интерьеры современными, строгими, без излишеств. Большие светлые комнаты, на стенах картины 20-х годов кисти Марка Шагала, Тамары де Лемпицка, Жоржа Брака. Несмотря на картины, минималистское убранство напоминало скорее особняки Сохо или Трайбека, а не консервативный Верхний Ист-Сайд.

– Папа! Ты тут? – осведомилась Камилла, входя в кухню.

Налила себе стакан холодной воды и огляделась. Отец уже позавтракал. На лакированной стойке стоит чашка с остатками кофе, а возле кусочка рогалика лежит «Уолл-стрит журнал», газета, которую Себастьян Лараби имеет обыкновение просматривать по утрам. И рядом номер «Строд»².

Прислушавшись, Камилла различила шум текущей воды. Скорее всего, отец задержался в ванной.

– Эй! – Она шлепнула Бака и захлопнула дверцу холо-

² Специализированный журнал, посвященный струнным инструментам.

дильника, не дав ему возможности позавтракать остатками жареной курицы. – Потом поешь, обжора!

Нацепила наушники, выскочила за порог и потрусила, не спеша, по улице вместе с Баком.

Таунхаус Лараби поместился между Мэдисон и Парк-авеню, примерно на уровне Семьдесят четвертой улицы, в небольшом кармане, обсаженном деревьями. Несмотря на утренний час, в квартале кипела жизнь. Поток такси и автомобилей обтекал частные особняки и роскошные отели. Застегнутые на все пуговицы, швейцары в униформах прибавляли оживления шумному балету, подзывая yellow cabs³, открывая дверцы, укладывая вещи в багажники.

Камилла добежала трусцой до Millionaire's Mile, аллеи миллиардеров, где вдоль Центрального парка выстроились самые знаменитые в Нью-Йорке музеи: Метрополитен, Гугенхейм, Новая галерея...

– Бежим, бежим, дурашка! Сначала бег, потом обед! – подбодрила она Бака и прибавила ходу, торопясь добраться до дорожки для джоггинга.

Услышав, что дверь за Камиллой захлопнулась, Себастьян Лараби вышел из ванной. И сразу же отправился к ней в комнату. Он вменил себе в обязанность еженедельно инспектировать ее, учитывая трудности переходного возраста.

Он был в дурном настроении, хмурился, супил брови,

³ Такси (англ.).

чувствуя, что Камилла с некоторых пор не так откровенна, стала хуже заниматься, меньше играет на скрипке.

Себастьян оглядел комнату: просторная, в пастельных девичьих тонах, располагает к покою и поэтичности. Прозрачные занавески на окнах золотятся на солнце. На просторной кровати разноцветные подушки и сбитое в ком одеяло. Машинально он отодвинул одеяло в сторону и уселся на постель.

Первым делом взялся за смартфон, который лежал на тумбочке. Без тени смущения набрал четыре цифры секретного кода, успев тайком подсмотреть его, когда дочка кому-то звонила, сидя с ним рядом и ничуть не прячась. Смартфон разблокировался. Себастьян почувствовал, как в кровь поступает адреналин.

Вторгаясь в интимную жизнь дочери, он всякий раз боялся открытий, которые может совершить.

Пока ничего нового, но он продолжал поиски. Просмотрел последние звонки: кто звонил, кому звонила. Номера все известные, друзья по лицу Иоанна Крестителя, учительница музыки, партнерша по теннису.

Мальчика нет. Нет чужаков. Нет угрозы. Себастьян вздохнул с облегчением.

Просмотрел, какие Камилла сделала в последнее время фотки. Ничего особенного. День рождения у малышки Маккензи, дочери мэра, с которой Камилла учится в лицее.

Не желая упустить ни одной мелочи, увеличил стол с бу-

тылками, чтобы удостовериться, нет ли алкоголя. Нет, только кока и фруктовые соки.

Себастьян продолжил исследование, просмотрел почту, эсэмэски, маршруты по навигатору GPS и только что пришедшие сообщения. Все контакты были известными, содержание разговоров не представляло собой ничего предосудительного.

Себастьян расслабился.

Положил смартфон на место и осмотрел листки и вещички на письменном столе. На виду лежал ноутбук, но Себастьян к нему не притронулся.

Полгода тому назад он поставил кейлоггер на компьютер своей дочери. Информационный шпион позволял ему быть в курсе, на каких сайтах бывает Камилла, следить за ее перепиской по электронной почте, отслеживать разговоры в чатах. Само собой разумеется, Себастьян никому не говорил об этом. Друзья и знакомые осудили бы его, сочли бы, что он чокнулся. Но ему наплевать, что они там себе думают. Он отец и обязан избавить дочь от любых опасностей, какие могут ей грозить. Цель тут оправдывает средства.

Опасаясь, как бы дочка не вернулась раньше времени, Себастьян выглянул в окно, прежде чем снова приняться за розыски. Потом обогнул изголовье кровати и вошел в гардеробную, где принялся методично открывать шкаф за шкафом, поднимать стопки белья и одежды. Недовольно поморщился, взглянув на деревянный манекен с платьем-бюстье.

Не слишком ли гламурно для девочки ее возраста?

Открыл дверцу отделения для обуви и обнаружил новую пару: «Стюарт Вейцман» – лакированные, на высоких каблуках. И с новым беспокойством уставился на лодочки, печальный для него знак, что дочь как можно скорее хочет перешагнуть во взрослую жизнь.

Негодую, он поставил их на полку и тут вдруг заметил элегантный, розовый с черным, пакет, украшенный логотипом известной фирмы белья. С нехорошим предчувствием заглянул в него и увидел ансамбль из белого атласа: бюстгалтер-балконет с кружевами и кружевные трусики.

«Это уж слишком!» – взорвался он, заталкивая пакет в глубину полки. И в сердцах со всей силы хлопнул дверцей платяного шкафа, готовый броситься к Камилле и высказать ей все, что он думает. Однако, сам не зная почему, толкнул дверь еще и в ванную. Взял косметичку с туалетными принадлежностями, высыпал их и наткнулся на блистер с таблетками. Цифры указывали порядок, в каком следовало их принимать. Первый ряд был уже начат. Руки у Себастьяна затряслись. По мере того как он осознавал, что именно произошло, гнев сменила паника: его дочь пятнадцати лет принимает противозачаточные таблетки!

– Бак! Домой! Возвращаемся!

Пробежав два круга, ретривер свесил язык набок. Он умирал от желания перепрыгнуть через решетку и поплавать в огромном сверкающем водоеме. Камилла все прибавляла скорость и последний отрезок пробежала, точно спринтер. Три раза в неделю для поддержания формы она бегала в Центральном парке по дорожке, огибающей водоем, длиной в два с половиной километра.

Пробежка закончилась, Камилла стояла, опустив руки, стараясь отдышаться. Потом тронулась в обратный путь, пробираясь среди велосипедистов, мотороллеров и детских колясок.

– Дома есть кто? – спросила она, открывая дверь.

И, не дожидаясь ответа, через три ступеньки помчалась вверх, к себе в комнату.

«Живее, живее, – подгоняла она себя, – а то опоздаешь!»

Быстренько под душ, намылилась, сполоснулась, вытерлась, надушилась. И остановилась перед шкафом, выбирая, что надеть.

«Самый ответственный момент дня!..»

Камилла училась в лицее Иоанна Крестителя, католической средней школе для девочек. В элитной школе для золотой нью-йоркской молодежи. Школе, известной свои-

ми строгими правилами с обязательным ношением формы: плиссированная юбка, жакет со значком школы, белая блузка и головная повязка.

Строгую, даже аскетичную, элегантность можно было оживить какой-нибудь дерзкой деталью. Камилла обернула вокруг шеи галстук-лава́льер и провела пальцем в помаде по губам, чуть-чуть подкрасив их в малиновый цвет.

Облик идеальной школьницы оттенит ярко-розовая сумка, подарок на день рождения, которую Камилла решила прихватить с собой.

– Привет, пап! – поздоровалась она, присаживаясь к столу в центре кухни.

Отец в ответ ни слова. Камилла подняла голову и посмотрела на него. Отлично смотрится в этом костюме. Это она посоветовала ему итальянскую модель: в слегка приталенном пиджаке с чуть приподнятыми плечами фигура выглядит что надо. А лицо озабоченное, взгляд устремлен в пустоту. Встал у окна и ни с места.

– С тобой все в порядке? – забеспокоилась Камилла. – Хочешь, я налью тебе еще кофе?

– Нет.

– Ну как хочешь, – весело отозвалась она.

Аппетитный запах поджаренных тостов плавал по кухне. Девочка налила в стакан апельсинового сока, развернула салфетку, и из нее... выпала пластинка с таблетками.

– Ты... Ты можешь мне объяснить... – начала она оскорб-

ленным тоном.

– Это ты должна мне объяснить! – разъяренно вскинулся отец.

– Ты рылся в моих вещах! – негодуяще продолжала она.

– Не уходи от ответа! Почему в твоей косметичке противозачаточные таблетки?

– Это мое личное дело.

– Не может быть личных дел в пятнадцать лет!

– Ты не имеешь права за мной шпионить.

Себастьян сделал шаг к дочери, угрожающе наставив на нее указательный палец.

– Я твой отец и имею право на все!

– А я хоть на что-то имею право?! Ты хочешь контролировать все: с кем я дружу, куда хожу, письма, которые пишу, фильмы, которые смотрю, книги, которые читаю!..

– С семи лет я воспитываю тебя один и...

– Ты сам захотел воспитывать меня один!

Себастьян стукнул кулаком по столу.

– Отвечай на мой вопрос: с кем ты спишь?

– Тебя это не касается! Я не должна спрашивать у тебя разрешения. Это моя жизнь, и я уже не ребенок.

– Тебе еще рано вступать в сексуальные отношения! Это глупо и безответственно! Чего ты добиваешься? Хочешь сломать себе жизнь? А ведь ты знаешь, что через несколько месяцев конкурс Чайковского!

– Меня уже тошнит от скрипки! Мне плевать на конкурс!

Я туда не поеду! Вот все, чего ты добился своим контролем!

– Ну, это мы еще посмотрим! Не так все просто! Сейчас ты должна играть по десять часов каждый день, и будешь играть! Иначе у тебя нет шанса чего-то добиться! А ты покупаешь супертрусы и туфли, которые стоят дороже всего обмундирования Бурунди!

– Перестань ко мне придирааться! – повысила голос Камилла.

– А ты перестань наряжаться как шлюха! Ты... Ты вся в мать! – заорал Себастьян, окончательно выйдя из себя.

От неожиданной грубости и злобы Камилла онемела, но уже через секунду пошла в наступление:

– А ты сумасшедший! Мерзкий сумасшедший! Это она напрасно. Себастьян вне себя влепил ей с размаху пощечину.

Камилла потеряла равновесие и оказалась на полу вместе с табуретом.

В первый миг она застыла в недоумении, стараясь понять, что произошло. Потом начала медленно подниматься. Пришла в себя, подхватила сумку, твердо решив ни секунды больше не оставаться рядом с этим обидчиком и тираном.

Себастьян попытался удержать ее, но она отвела его руку и ушла, даже не прикрыв за собой дверь.

Автомобиль-купе с затемненными стеклами выехал на Лексингтон-авеню и поехал в сторону Семьдесят третьей улицы. Себастьян опустил солнцезащитную шторку, иначе солнце било прямо в глаза. Погода осенью 2012 года стояла какая-то неправдоподобная. Себастьяна угнетала ссора с Камиллой, он переживал и чувствовал свою полную беспомощность. Первый раз в жизни он поднял на нее руку. Он понимал, как обидел и унизил любимую дочь, раскаивался и ругал себя за пощечину. Но и его можно понять: он сделал это от отчаяния.

Мысль о том, что у его дочери началась сексуальная жизнь, приводила его в неистовство. Слишком рано! Преждевременно! Под удар поставлены все его надежды, все планы, которые он построил относительно ее будущего! Скрипка, учеба, возможные профессии – все было спланировано, выстроено, расчерчено, как нотная бумага. Ничто не имело права вторгаться сюда и разрушать его планы!

Пытаясь успокоиться, он старался дышать как можно глубже и смотрел в ветровое стекло, любуясь осенью. В этот ветреный день тротуары Верхнего Ист-Сайда были засыпаны пламенеющей золотом и багрянцем листвой. Себастьян любил свой аристократический, забывший о беге времени квартал, где обитал высший свет Нью-Йорка. Обитель комфор-

та действовала умиротворяюще благодаря своей строгости и сдержанности. Оазис, избавленный от бурь и потрясений.

Себастьян свернул на Пятую авеню и поехал на юг, вдоль Центрального парка, продолжая размышлять о себе и Камилле. Он не мог отрицать, что был слишком пристрастным отцом. Но так выражалась – возможно, не слишком умело – его любовь к дочери. Разве нет? Неужели же нельзя найти золотую середину между его желанием уберечь ее и ее стремлением к самостоятельности? Середину, которая устроит обоих? Себастьяну вдруг показалось, что все не так уж сложно, что он сумеет все наладить и изменить. Но тут в памяти всплыла пластинка с таблетками, и все добрые намерения полетели к черту.

После развода он растил Камиллу один. И гордился, что может дать ей все, что ей необходимо: любовь, внимание, воспитание. Он не сводил с нее глаз, все предусматривая и все оценивая. Всегда был рядом, относясь крайне серьезно к своим отцовским обязанностям, выкладывался каждый день, следя за домашними заданиями, занятиями скрипкой, уроками верховой езды.

Конечно, он что-то упускал, ошибался, но старался, не щадя себя. Старался, чтобы в эпоху упадка и развала у его дочери оставались ценности. Он оберегал ее от дурных знакомств, цинизма, пошлости, пофигизма. На протяжении долгих лет у них были близкие и теплые отношения. Камил-

ла все ему рассказывала, спрашивала его мнения, дорожила советами. Она была его гордостью: умная, тонкая, трудолюбивая девочка, которая блистала в школе и, очень может быть, стояла на пороге блестящей карьеры скрипачки. А теперь вдруг настало очень тяжелое время. Вот уже несколько месяцев, как они стали все чаще ссориться, и Себастьян откровенно признавался себе, что не понимает, каким образом может остаться рядом с Камиллой, помогая ей преодолеть опасный болезненный переход от ручья детства к полноводной реке взрослой жизни.

Такси просигналило Себастьяну, давая понять, что красный свет успел смениться зеленым. Себастьян тяжело вздохнул. Он сожалел, что перестал понимать людей, не понимал молодежи, разучился понимать свое время. Все вокруг пугало его, вызывая ощущение безнадежности. Мир плясал на краю бездны. Всюду подстерегали и грозили опасности.

Да, конечно, ни от чего не убежишь, приходится жить в своем времени, держаться, не опускать рук! Но ведь никто уже ни во что не верит. Сместились ценности. Исчезли идеалы. Кризис в экономике, экологический кризис, кризис социальный. Система агонизирует. Действующие лица сложили оружие: политики, родители, учителя.

Случившееся с Камиллой посягало на его жизненные принципы, доводя присущую ему тревожность до паники.

Себастьян давно уже замкнулся в себе, создав мирок по

своим меркам. Он редко покидал свой квартал, еще реже Манхэттен.

Известный скрипичных дел мастер, он любил одиночество и большую часть времени проводил у себя в мастерской. Целыми днями его единственной спутницей была музыка. Он резал эфы, распределял толщину дек, покрывал их лаком, добиваясь особого звучания своих скрипок, которыми так гордился. Через агентства его скрипки продавались в Европе и Азии, но сам он никогда там не бывал. Круг его знакомств ограничивался небольшим числом людей: два-три музыканта, поклонника классики, два-три старинных буржуазных семейства, испокон века живущие в Верхнем Ист-Сайде.

Себастьян взглянул на часы и прибавил скорость. На Грэнд-Арми-плаза миновал светло-серый фасад старинной гостиницы «Савой» и, петляя между машинами и туристическими автобусами, устремился в сторону Карнеги-холла. Поставил машину в подземный гараж напротив знаменитого концертного зала и поднялся на лифте к себе в мастерскую.

Фирма «Лараби и сын» была основана в конце двадцатых годов его дедушкой Эндрю Лараби. С течением времени скромное предприятие приобрело мировую известность, став неоспоримым авторитетом в области изготовления новых струнных инструментов и реставрации старинных.

Как только Себастьян входил к себе в мастерскую, все горести отступали. Мастерская была обителью покоя и умиро-

творения. Время над ней не имело власти. Там приятно пахло деревом – кленом, елью, эбеном – и более резко – лаком и растворителями.

Себастьян любил особую атмосферу своего старинного ремесла. В XVIII веке мастера города Кремона вознесли искусство изготовления скрипок на небывалую высоту. С той поры техника их изготовления мало изменилась. В постоянно меняющемся мире верность старине таила в себе что-то успокаивающее.

Стоя за верстаками, мастера и подмастерья работали каждый над своим инструментом. Себастьян поздоровался с Джозефом, главным мастером цеха, который натягивал струны на альт.

– Звонил агент от Фаразио по поводу скрипки Бергонца, – сообщил тот. – Аукцион собираются провести на два дня раньше, – прибавил он, стряхивая прилипшую к кожаному переднику стружку.

– Чего это они так заторопились? Мы можем не уложиться в срок, – забеспокоился Себастьян.

– Они хотят, чтобы мы успели, и надеются уже сегодня получить от тебя сертификат подлинности. Как думаешь, это возможно?

Себастьян был не только талантливым скрипичным мастером, но еще и признанным экспертом в области скрипок.

Что тут поделаешь? Он покорно кивнул. В этом году это самый крупный аукцион. Отказаться от него немислимо.

– Мне нужно дополнить описание и написать заключение. Если примусь сейчас же, к вечеру они смогут получить сертификат.

– Хорошо, я им сообщу.

Себастьян вошел в просторную приемную. Стены были затянуты алым бархатом, с потолка свешивались скрипки и альты, придавая помещению оригинальность и своеобразие. Еще их приемная славилась удивительной акустикой, тут принимали самых знаменитых музыкантов всего мира, пожелавших купить инструмент или отреставрировать собственный.

Себастьян уселся за рабочий стол и надел очки, готовясь заняться скрипкой, на которую должен был выдать сертификат. В самом деле это была редкая скрипка, изготовленная мастером Карло Бергонци, самым способным из учеников Страдивари. Дата ее изготовления – 1720 год, но она удивительно сохранилась, и знаменитый дом аукционов Фаразио собирался выставить ее на осеннюю распродажу со стартовой ценой в один миллион долларов.

Известный на весь мир эксперт Себастьян Лараби не мог позволить себе ни малейшей неточности, участвуя в таком знаменательном событии. Как энолог или парфюмер, он тоже хранил в своей памяти тысячи деталей, значимых для каждой мастерской струнных инструментов: в Кремоне, Венеции, Милане, Париже, Мирекуре... И все же, несмотря на огромный опыт, дать оценку никогда не бывает легко. Мож-

но ошибиться. Устанавливая подлинность инструмента, подтверждая его своей подписью, Себастьян всякий раз рисковал репутацией.

Он осторожно взял скрипку, зажал гриф рукой, прижал к плечу подбородком, взял смычок и заиграл «Партиту» Баха. Звук был исключительный. Но одна струна вдруг лопнула, больно хлестнув его по щеке. Он ошеломленно замер и положил скрипку. Игра выдала всю его нервозность, его напряжение. Он не может забыть, отвлечься. Утренняя ссора не идет у него из головы. Упреки Камиллы звучат все громче. Он уже не мог не признать, что в ее словах тоже была доля истины. Он зашел слишком далеко. В ужасе от того, что может ее потерять, он решил как можно скорее поговорить с ней, но вот удастся ли, сомневался. Взглянул на часы, вытащил мобильник. Уроки еще не начались, если ему повезет... Он набрал дочкин номер, попал на автоответчик.

«Напрасно надеешься...»

Себастьян уже понял: лобовая атака ни к чему не приведет. Придется отпустить вожжи или хотя бы сделать вид, что отпускает. Нужно вновь завоевать доверие Камиллы. А для этого понадобится союзник. Человек, который сможет спокойно поговорить с ней. Когда отношения наладятся, он сумеет все расставить по местам и образумить дочку. Но у кого же попросить помощи?

Мысленно он стал перебирать, к кому бы мог обратиться за помощью. К друзьям? Но у него были только хорошие зна-

комые. Среди них не было ни одного настолько близкого человека, чтобы он мог доверить ему такую личную проблему. Отец умер в прошлом году. Мать? Трудно ждать от нее, чтобы она шагала в ногу со временем... Наталия, его подружка? Она вместе с группой «Нью-Йорк-сити балле» сейчас в Лос-Анджелесе.

Остается Никки, мать Камиллы...

Никки...

Нет, это несерьезно. Вот уже семь лет, как они не общаются. И вообще лучше умереть, чем обратиться за помощью к Никки Никовски!

Не исключено, что именно она и посоветовала Камилле принимать эти проклятые таблетки. С нее станется! Никки всегда ратовала за свободу нравов и до сих пор остается поборницей так называемых прогрессивных методов воспитания: дети живут бесконтрольно, на полном доверии, никаких наказаний, никаких авторитетов, всегда и во всем терпимость, то есть безоглядное своеволие, бездумное и инфантильное.

На секунду он задумался: могла ли Камилла обратиться за советом к матери, а не к нему? И ему показалось, что даже в таком интимном деле, как противозачаточные средства, дочь не стала бы советоваться с Никки. Во-первых, потому, что они редко видятся, а во-вторых, потому, что Никки – сознательно или нет – всегда отстранялась от воспитания дочери.

Всякий раз, когда Себастьян думал о бывшей жене, он чувствовал гнев и горечь. Злился он в первую очередь на самого себя. Кому, как не ему, было знать, что их отношения обречены на провал? Женитьба была самой большой ошибкой его жизни. Она лишила его иллюзий, душевного покоя

и жизнерадостности.

По существу, они никогда не должны были бы встретиться, никогда не могли понравиться друг другу. Они были из разных миров, и все у них было разное: происхождение, воспитание, даже религия. По темпераменту, по характеру они были антиподами. И, несмотря на это, любили друг друга...

Никки приехала из Нью-Джерси в Нью-Йорк и устроилась работать манекенщицей, мечтая о ролях в спектаклях и мюзиклах на Бродвее. Жила одним днем, легко, беззаботно.

Живая, общительная, остроумная, она умела расположить к себе и пользовалась своим обаянием, когда хотела достичь цели. Стремилась к крайностям, опьянялась чувствами, эмоциональными всплесками. Вынужденная жить в зависимости от мужских взглядов, постоянно играла с огнем и была готова зайти очень далеко, лишь бы утвердиться в своем даре соблазнительницы.

Словом, полная противоположность Себастьяну. Себастьяну, состоятельному буржуа, получившему превосходное воспитание, скромному и сдержанному. Себастьян любил предвидеть все заранее, любил долгосрочные планы на будущее и удобную продуманную жизнь, которой не грозит вторжение случайностей.

Все, кто его знал, родители и друзья, предостерегали от женитьбы, давая понять, что Никки совсем не та девушка, которая ему нужна. Но Себастьян уперся. Неодолимая си-

ла влекла их друг к другу. Оба положились на немудреную обывательскую мудрость, гласящую, что «противоположности сходятся».

Оба верили в свою удачу и, недолго раздумывая, поженились. Никки почти сразу забеременела и родила близнецов. Камиллу и Джереми.

После бурно проведенной юности Никки хотелось стабильности и радостей материнства. Себастьяну, зажатому в тиски строгого воспитания, виделась в семейной жизни отдушина, отдых от высокомерной спеси родительского дома. И у него, и у нее любовь объединилась с вызовом. Их пьянила возможность наслаждаться запретным плодом. Однако с небес качели вернули их на землю. Возвращение оказалось болезненным. Разность натур, придававшая поначалу отношениям остроту, стала угнетать, а потом привела к нескончаемым ссорам.

Рождение близнецов не помогло обрести им те общие ценности, которые послужили бы прочным фундаментом семейной жизни и позволили ей развиваться дальше. Напротив, необходимость воспитывать детей еще яснее выявила разницу их позиций, с каждым днем углубляя конфликт. Никки считала, что главное в воспитании – свобода и самовыражение. Себастьян не был с ней согласен, настаивая, что путь свободы опасен и тернист. Он старался убедить жену, что только твердые правила помогут сформировать личность ребенка. Общего языка они не нашли, и каждый только укреп-

пился в своей позиции. Что тут поделаешь? Люди не меняются. Трудно выкорчевать основы личности.

В конце концов они расстались. Поводом послужил случай, который Себастьян расценил как предательство. Никки перешла границу допустимого. По мнению Себастьяна, разумеется. Произошедшее тяжело подействовало на него и послужило сигналом, что пора положить конец их безнадежному со всех точек зрения браку.

Терпя кораблекрушение и желая спасти детей, Себастьян обратился к специалисту по разводам и правам семьи. Нанятый адвокат готов был стереть Никки с лица земли, лишь бы заставить ее отказаться от родительских прав. Но это оказалось не так-то просто. Никки не мыслила себя без детей. В конце концов Себастьян предложил своей, в будущем бывшей, жене промежуточный вариант: он предоставляет ей исключительное право заниматься Джереми в обмен на исключительное право самому заниматься Камиллой.

Опасаясь, как бы юридические баталии не лишили ее обоих детей, Никки согласилась.

И вот на протяжении семи лет Камилла и Джереми жили в разных домах под опекой двух взрослых, которые воспитывали их совершенно по-разному. Посещения «другого родителя» были четко оговорены и осуществлялись нечасто. Камилла виделась с матерью раз в две недели по воскресеньям, когда к отцу приходил Джереми.

Время, когда совместная жизнь с Никки виделась Се-

бастьяну дорогой в ад, давно прошло, он давным-давно сумел упорядочить свою жизнь. И в этой жизни Никки сделалась нежелательным воспоминанием. Какие-то новости о бывшей жене он случайно узнавал от Камиллы. В качестве манекенщицы она не преуспела, актрисой не стала. Судя по последним сведениям, Никки перестала участвовать в фотосессиях, не ходила на кастинги, перестала мечтать о театре, зато занялась живописью. Ее картины порой появлялись во второразрядных галереях Бруклина, известность не выходила за пределы узкого круга знакомых. Зато через ее жизнь строем шагали мужчины. Все разные. Все безжалостные. У нее обнаружился особый дар привлекать тех, кто обязательно причинит боль, кто, обнаружив ее слабые места, хрупкость и уязвимость, постарается ими воспользоваться. Но, похоже, теперь ей захотелось как-то упорядочить свою сердечную жизнь, и, по словам Камиллы, у нее вот уже несколько месяцев в друзьях коп из полицейского департамента. Парень лет на десять моложе. Да уж, с Никки никогда не соскучишься...

Его размышления прервал телефонный звонок. Он взглянул на экран и удивленно заморгал. Неправдоподобное совпадение. «Никки Никовски», – мигая, сообщил экран. Сначала Себастьян не хотел нажимать кнопку. Они давным-давно не общались. В первый год после развода еще виделись, передавая друг другу детей, а теперь лишь изредка обме-

нивались эсэмэсками, если случались изменения в визитах Джереми или Камиллы. Если Никки взяла на себя труд позвонить, значит, случилось что-то серьезное.

«Камилла», – подумал он и нажал кнопку.

– Никки?

– Привет, Себастьян.

Он сразу уловил тревогу в ее голосе.

– У тебя проблемы?

– Джереми... В последние дни... у тебя нет никаких вестей от сына?

– Нет. А с чего вдруг?

– Знаешь, я беспокоюсь. Не знаю, где он.

– Как это?

– Он не пошел в лицей. Ни вчера, ни сегодня.

Мобильник не отвечает. Дома он не ночевал с...

– Ты что, шутишь? – перебил он. – Как это не ночевал?

Она помолчала, прежде чем ответить. Готовилась встретиться его гнев, его упреки.

– Он уже три ночи не ночевал дома, – наконец призналась она.

У Себастьяна перехватило горло. Рука изо всех сил стиснула мобильник.

– Ты звонила в полицию?

– Мне не кажется, что это удачная мысль.

– Почему?

– Приезжай, я все тебе объясню.

– Еду, – сказал он и повесил трубку.

Себастьян нашел место для парковки на перекрестке Ван-Брант-стрит и Салливан-стрит. Из-за пробок он чуть ли не час добирался до Бруклина.

После развода Никки обосновалась западнее Южного Бруклина, в квартале Рэд-Хук, исконном прибежище моряков и мафии. Из-за отсутствия городского транспорта квартал на какое-то время сделался изолированным островком, полным опасностей. Но эти времена миновали. Сегодняшний Рэд-Хук не имеет ничего общего с теми трущобами, каким он был в 1980-е и 1990-е годы. Точно так же, как другие районы Бруклина, он стал бурно преобразоваться под влиянием поселившихся здесь художников, креативщиков, богемы, хиппи.

Себастьян приезжал сюда крайне редко. Привозил изредка Камиллу по воскресеньям. Но никогда не переступал порога квартиры бывшей жены. Всякий раз, попадая в Бруклин, он удивлялся, с какой скоростью меняется этот район. С фантастической быстротой старинные доки и склады становились то галереями, то биоресторанами.

Себастьян запер машину и пошел по улице вдоль здания из бурого кирпича, которое было когда-то бумажной фабрикой, а теперь стало жилым домом. Он вошел в этот дом и чуть не бегом, через две ступеньки, поднялся на последний

этаж. Никки ждала его у металлической двери, за которой оказалась открытая дверь в квартиру.

– Здравствуй, Себастьян.

Он смотрел на нее отстраненно, издалека. Фигура по-прежнему спортивная, подтянутая: широкие плечи, тонкая талия, длинные ноги, стройные бедра.

Лицо запоминающееся: высокие скулы, тонкий нос, лукавый взгляд. И желание отвлечь от необычной внешности нарочитой небрежностью: выкрашенные в рыжий цвет волосы заплетены в две косы и кое-как заколоты в узел. Зеленые удлинённые глаза сильно подведены черным карандашом, гибкое тело прячется в широких брюках-бананах, майка обтягивающая и большое декольте.

– Привет, Никки, – отозвался он и, не дожидаясь приглашения, вошел в квартиру.

В квартире, дав себе волю, с любопытством огляделся. Просторный чердак бывшей фабрики с гордостью хранил воспоминания о прошлом: потолок с балками, два чугунных столба, стена из старого кирпича, белый дощатый пол. И всюду сохнут огромные картины – на полу, у стены: абстрактная живопись, которой увлеклась теперь Никки. Себастьяну показалось, что он оказался среди декораций фантастической пьесы. И мебель престранная, скорее всего, с барахолки: древнее канапе честерфилд и обеденный стол, сооруженный из двери, поставленной на две пары козел. Все вместе, очевидно, подчинялось какой-то особой эстетике, но

эта эстетика была ему недоступна.

– Итак. Что же ты собираешься мне рассказать? – спросил он начальственным тоном.

– Я уже говорила тебе, что с субботы ничего не знаю о Джереми.

Он бросил на нее выразительный взгляд.

– С субботы? Но сегодня вторник!

– Я знаю.

– И только во вторник ты начала волноваться?!

– Я позвонила тебе, чтобы ты мне помог, а не упрекал.

– погоди! вспомни, в каком мире мы живем! Ты понимаешь, что отыскать ребенка, когда прошло уже больше двух суток, почти невозможно?!

Она закрыла рот рукой, чтобы не закричать, подскочила к нему, вцепилась в отвороты плаща и потащила к двери.

– Убирайся! Если не хочешь помогать, убирайся! Изумленный ее яростью, он постарался высвободиться, схватил ее за руки и встряхнул.

– Объясни, почему ты не позвонила мне раньше? Она с вызовом посмотрела ему в глаза. В них стоял гнев.

– Занимайся ты больше сыном, я бы не стала медлить!

Себастьян проглотил упрек и сказал уже более спокойным тоном:

– Мы найдем Джереми, обещаю. Но ты должна рассказать мне все. С самого начала.

Никки понадобилось время, чтобы снять доспехи.

– Сядь, – наконец проговорила она. – Я сварю нам кофе.

– Последний раз я видела Джереми утром в субботу, около десяти часов, он шел заниматься боксом.

От волнения и тревоги у Никки срывался голос. Себастьян нахмурил брови.

– И с каких это пор он занимается боксом?

– Ты что – с луны свалился? Уже год как занимается.

На лице Себастьяна появилось выражение недоверия. Перед глазами возник Джереми, тощий и длинный подросток. Он плохо представлял себе своего сына на ринге.

– Мы вместе позавтракали, – продолжала Никки. – Потом я стала собирать вещи. В общем-то, я торопилась. Меня ждал внизу Лоренцо, мы уезжали на уик-энд в Катскилл, и...

– Лоренцо?

– Лоренцо Сантос, мой парень.

– Все тот же коп или уже другой?

– Блин! Себастьян! Ты зачем сюда пришел? – снова вспыхнула Никки.

Он извинился, успокаивающе похлопав ее по руке. Она вернулась к рассказу.

– Я уже выходила, когда Джереми попросил разрешения переночевать у своего друга Саймона. Я разрешила. В субботу они часто ночуют друг у друга, то здесь, то там. Мы уже привыкли.

– Первая новость.

Эту реплику Никки пропустила мимо ушей.

– Он поцеловал меня и ушел. За все выходные не позволил ни разу. Но я не слишком волновалась.

– Погоди! Как же так?

– Ему пятнадцать лет. Он уже не младенец. К тому же Саймон, можно считать, мажор.

Себастьян воздел глаза к потолку, но от комментариев воздержался.

– Я вернулась в Бруклин вечером в воскресенье. Было уже слишком поздно, и я переночевала у Сантоса.

Себастьян холодно взглянул на нее и так же холодно осведомился:

– А в понедельник утром?

– Я пришла домой около девяти. В это время Джереми уже уходит в школу. Я не удивилась, что его нет дома, это было нормально.

– Ну а потом что? – нетерпеливо спросил Себастьян.

– Я целый день работала, готовилась к своей выставке в BWAC⁴, знаешь, здание неподалеку от набережной, и там группы художников...

– Понял, Никки, избавь меня от подробностей.

– Во второй половине дня я нашла у себя на автоответчике сообщение из лица, что Джереми прогулял школу.

⁴ Brooklyn Working Artists Coalition – Товарищество действующих художников Бруклина.

– Ты позвонила родителям его приятеля?

– Вчера вечером я говорила с мамой Саймона. Она сказала, что Саймон уже больше недели назад уехал на учебную экскурсию. Джереми у них в те выходные не ночевал.

В кармане у Себастьяна зазвонил мобильник. Он взглянул на экран: опять агент из Фаразио, беспокоится, как видно, по поводу экспертизы.

– И вот тогда мне стало по-настоящему страшно, – призналась Никки. – Я хотела было пойти в полицию, но... побоялась, что копы не примут меня всерьез.

– Почему?

– Если честно, Джереми пропадает уже не в первый раз...

Себастьян вздохнул. Этого следовало ожидать. Никки объяснила:

– В августе прошлого года Джереми исчез на два дня и не давал о себе знать. Я места себе не находила и сообщила в отделение Бушвик-авеню, что он исчез. А на третий день он появился. Прогулялся в Андирондак.

– Вот мерзавец! – возмутился Себастьян.

– Можешь себе представить реакцию копов. Они не отказали себе в удовольствии поиздеваться надо мной. Высказали все, что думают по поводу моих отношений с сыном, заявили, что время им дорого и они не станут тратить его зря!

Себастьян представил себе сцену во всех красках. Он прикрыл глаза, помассировал веки и предложил:

– На этот раз я заявлю в полицию. Но обойдемся без мел-

ких сошек. Я знаком с мэром. Его дочь учится с Камиллой в одном классе, и я чинил скрипку его жены. Я попрошу его, и он меня свяжет...

– Подожди, ты еще не все знаешь, Себастьян...

– Чего я еще не знаю?

– У Джереми были кое-какие проблемы с полицией: он состоит на учете...

Себастьян онемел и смотрел на Никки во все глаза.

– Ты что, шутишь? Почему ты ничего мне не сказала?

– Он стал делать всякие глупости только в последнее время.

– Что именно?

– Полгода назад патруль застукал его, когда он расписывал икейскую фуру в гараже. – Никки отхлебнула кофе и недовольно покачала головой. – У этих идиотов других дел нет, как ловить ребят, увлеченных искусством, – процедила она.

Себастьяна передернуло. Граффити – искусство? У Никки всегда был своеобразный взгляд на вещи.

– И что? Его судили?

– Да. Приговорили к десяти дням принудительных работ. А три недели назад притянули за кражу в магазине.

– И на что же он польстился?

– На компьютерную игру. Что? Ты предпочел бы, чтобы он украл книгу?

Себастьян не поддался на провокацию. Второй привод – это трагедия. Сейчас в полиции забыли о толерантности, лю-

бой, даже самый невинный проступок может кончиться для его сына тюрьмой.

– Я в лепешку разбилась перед администрацией, и они не стали подавать жалобу, – успокоила его Никки.

– Господи! Ты можешь мне сказать, что творится в голове у этого парня?!

– Я могу сказать, что его проделки вовсе не конец света. Каждый хоть раз в жизни что-нибудь да своровал. Для подростка воровство – нормальное дело.

– Красть – нормальное дело?! – взорвался он.

– Да, воровство – часть жизни. В молодости я могла украсть трусы, какую-нибудь шмотку, духи. Так мы с тобой и встретились. Ты что, забыл?

«Но это не лучшее, что с нами произошло», – с горечью подумал про себя Себастьян.

Он встал со стула. Хотел походить, подумать, расставить все по местам. В самом деле, стоит ли всерьез волноваться? Если Джереми привык время от времени исчезать...

Никки словно прочитала его мысли и взмолилась:

– На этот раз я чувствую: произошло что-то серьезное, Себастьян! Джереми в последний раз видел, что со мной творилось от беспокойства, и пообещал всегда держать меня в курсе.

– Какой помощи ты от меня ждешь?

– Сама не знаю. Я уже обзвонила все больницы, поговорила со «Скорой помощью», я...

– А ты не нашла чего-нибудь необычного, когда рылась у него в комнате?

– Как это – рылась у него в комнате?

– Ты что, не роешься в его вещах?

– Нет, его комната – заповедная территория, это его...

– Заповедная? Никки! Мальчик вот уже три дня как исчез! – рывкнул Себастьян, направляясь к металлической лестнице, которая вела на второй этаж.

– Подростком я не выносила, чтобы мать совала нос в мои дела!

Как бы Никки ни тревожилась, она не хотела вторгаться в интимную жизнь сына.

– Ты же не роешься в комнате Камиллы, правда?

– Раз в неделю обязательно, – бесстрастно сообщил Себастьян.

– Ты уверен, что у тебя все в порядке с головой?..

«Может, и не в порядке, но девочка, по крайней мере, никуда не исчезла», – подумал он не без удовлетворения и принялся за работу.

Комната Джереми отличалась немалыми размерами, дом как-никак был некогда фабрикой, так что планировка была своеобразная. А в целом обычное обиталище geek⁵, где царил радостный хаос. По стенам афиши культовых фильмов: «Назад в будущее», «Военные игры», «Формула любви», «Трон». К перегородке прислонен велосипед с фиксодом. В углу игровой автомат «Донки Конг» 80-х годов. В мусорной корзине коробки от наггетсов, пиццы и банки «Ред Булл».

– Бардак неопишутый! – воскликнул Себастьян на пороге. – Он когда-нибудь прибирает у себя в комнате?

⁵ Человек, увлеченный чем-то, часто далеким от реальности (англ.).

Никки испепелила его взглядом. Переждала минутку и принялась за дело: заглянула в шкаф.

– Похоже, он взял с собой рюкзак, – пробормотала она.

Себастьян подошел к письменному столу.

Три больших монитора, системные блоки. Рядом полный комплект оборудования для диджея: вертушка, микшер, колонки, усилитель, сабвуфер. Все отличного качества. Для профессионалов.

«Откуда у него такие деньги?»

Он взглянул на книжные полки. Они ломились от комиксов: «Бэтмен», «Супермен», «Пипец», «Люди Х». Себастьян со скептической улыбкой взял из стопки и полистал последний выпуск «Человека-Паука»: вместо Питера Паркера там действовал метис, сын афроамериканца и испанки. «Время меняется», как поет Боб Дилан.

На другой полке Себастьян обнаружил всевозможные руководства по игре в покер, а рядом продолговатый алюминиевый кейс с десятью рядами керамических фишек и двумя колодами карт.

– Что тут вообще такое? Игорный дом?

– Я ему этот кейс не покупала! – стала защищаться Никки. – Но я знаю, что в последнее время Джереми часто играет в покер.

– С кем?

– С приятелями по лицу, я думаю.

Себастьян скривился. Ох, как ему это не понравилось...

Скрепя сердце он вынужден был признать, что на полке стоят и настоящие книги: «Властелин колец», «Дюна», «Машина времени», «Бегущий по лезвию», цикл «Основание».

Рядом с этими, культовыми для любого считающего себя фрикком, стояли учебники по сценарному мастерству, биографии Стенли Кубрика, Квентина Тарантино, Кристофера Нолана, Альфреда Хичкока.

– Он что, интересуется кино? – удивился Себастьян.

– Конечно! Мечтает стать режиссером! Неужели он никогда не показывал тебе своих фильмов? Ты что, не знаешь, что у него есть камера?

– Нет, – вынужден был признаться Себастьян. Не без грусти приходилось признавать очевидное: сына своего он не знал. И дело не в том, что они редко виделись. Дело было в том, что в последнее время они говорили, как два глухих. Даже не спорили. Отгораживались друг от друга полным равнодушием. Джереми был не таким сыном, какого хотелось бы иметь Себастьяну. Мальчик был слишком похож на мать, и поэтому он не интересовался, чем тот живет, его занятия, надеждами. Мало-помалу, но с полной определенностью Себастьян отстранился от сына и не чувствовал за собой вины.

– Я и паспорта его не нахожу, – встревожилась еще больше Никки, заглядывая в ящики стола.

Себастьян в задумчивости нажал на клавиатуре компьютера клавишу «пуск». Джереми увлекался ролевыми игра-

ми онлайн. Экран вспыхнул, показав картинку «World of Warcraft». Затем выскочила иконка, предлагая ввести пароль.

– Даже не вздумай! – Никки схватила Себастьяна за руку. – У него паранойя на все, что касается компьютера. По части компа он понимает в десять раз больше, чем мы оба, вместе взятые.

Очень жаль. Запрет лишил их немалого количества информации. Себастьян подчинился совету бывшей жены и не стал влезать в компьютер. Ограничился тем, что вытащил внешний жесткий диск. Кто знает, вдруг он не защищен паролем?

– У тебя есть ноутбук? Можно попробовать посмотреть на нем.

– Сейчас принесу.

Пока Никки не было, Себастьян рассматривал фреску, которую Джереми нарисовал на стене в глубине комнаты: благословляющий Христос парит в сине-зеленом небе. Он подошел поближе и увидел на полу баллончики с красками. Несмотря на открытое окно, в комнате здорово пахло химией. Фреску Джереми нарисовал совсем недавно.

– Он что, обратился к религии? – спросил Себастьян, когда Никки вернулась.

– Да нет, насколько я знаю. Но мне кажется, что нарисовано потрясающе!

– Ты серьезно? Любовь слепа...

Она протянула ему ноутбук, бросив на бывшего мужа мрачный взгляд.

– Может, она меня и ослепила, когда я тебя встретила, но...

– Но что?

Никки не стала продолжать пикировку. У них были сейчас дела поважнее.

Себастьян взял ноутбук и подключил к нему съемный диск. На нем были фильмы и музыка, скачанные из Интернета. Судя по всему, Джереми был страстным фанатом рок-группы «Шутерз». Себастьян посмотрел несколько минут кусочек их концерта: грубоватый гаражный рок, слабое подобие «Strokes» и «Librtines».

– Ты знаешь этих ребят?

– Самодеятельная группа из Бруклина, – объяснила Никки. – Джереми часто ходит на их концерты.

«Убожество», – вынес Себастьян про себя вердикт, немного послушав слова.

Просмотрев название других папок, он обнаружил с десятков телесериалов, о которых понятия не имел, и еще весьма недвусмысленные ролики, обозначенные как «fuck» «boobs» и «MILF»⁶.

Для очистки совести он открыл одну из папок и запустил фильм. Пышная медсестра появилась на экране и принялась медленно расстегивать халат, а потом занялась ораль-

⁶ Фак, сиськи, «Мамочка, которую я хочу поиметь» (англ.).

ным сексом со своим пациентом.

– Может, хватит грязи? – рассердилась Никки.

– Есть из-за чего возмущаться, – успокаивающе произнес Себастьян.

– Тебе безразлично, что твой сын смотрит порно?

– Абсолютно. И я бы сказал даже, что меня это радует.

– Радует?

– Он такой хрупкий, женственный, что я даже беспокоился, уж не гомик ли он.

Никки удрученно посмотрела на Себастьяна.

– Ты понимаешь, что ты сейчас сказал? – Он не ответил, и она продолжала: – Даже если бы он был геем, я не вижу в этом проблемы.

– Раз проблем нет, закрываем тему.

– Ты все еще живешь в XIX веке, и это удручает. Себастьян поостерегся вступать в дискуссию.

Однако Никки не успокоилась:

– Мало того что ты гомофоб, ты еще одобряешь фильмы, унижающие женщин!

– Я не гомофоб и никаких дурацких фильмов не одобряю, – буркнул Себастьян, всеми силами стараясь уйти от спора.

Он открыл верхний ящик стола. По дну катались разноцветные шарики-драже, высыпавшиеся из большого пакета «M&M's». Среди конфет валялась визитная карточка татуировщика из Уильямсбурга с картинкой, изображающей дра-

кона.

– Собрался делать себе татуировку? Похоже, наш мальчик решил порадовать нас всем, чем только можно. Думаю, где-нибудь существует список, который подростки по секрету передают друг другу. Там перечислены все представимые и непредставимые глупости, какими можно достать родителей.

Никки прервала его, заглянув в глубину ящика.

– А это ты видел? – спросила она, указывая на запечатанную пачку презервативов.

– У твоего подопечного есть подруга?

– Мне ничего об этом не известно.

Себастьян мгновенно вспомнил упаковку противозачаточных таблеток, которую два часа назад нашел в комнате у Камиллы. У одной пилюли, у другого презервативы, хочет он того или нет, но дети выросли. По отношению к Джереми это вызвало у него чувство удовлетворения. По отношению к Камилле ужас. Он спросил себя, стоит ли говорить о дочери Никки, но тут он заметил косяк с травкой, уже наполовину выкуренный.

– Трава! Это меня пугает больше, чем порно! Ты в курсе, что он курит эту гадость?

Никки занялась в это время комодом и ограничилась пожатием плеч.

– Я задал тебе вопрос!

– погоди! Смотри-ка, что я нашла!

Приподняв стопку маек, она обнаружила мобильник.

– Джереми никогда бы не ушел без мобильного, – твердо сказала она.

Она протянула телефон Себастьяну. Вытаскивая телефон из чехла, он обнаружил в кармашке еще и кредитную карту.

«Без кредитной карты он бы тоже никогда не ушел», – подумали они одновременно и обменялись испуганными взглядами.

В воздухе витал запах розмарина и полевых цветов. Свежий ветерок теребил плети лаванды и листья на кустах. С крыши бывшей фабрики, превратившейся теперь в биоогород, открывался сказочный вид на Ист-Ривер, небоскребы Манхэттена и статую Свободы.

Разнервничавшись, Никки вышла на крышу, чтобы выкурить сигарету. Прислонившись к кирпичной трубе, она не сводила глаз с Себастьяна, который нервно расхаживал между тисовых ящиков с тыквами, кабачками, баклажанами, артишоками и душистыми травами.

– Дай мне тоже сигаретку, – попросил он, подойдя к ней.

Себастьян ослабил галстук, расстегнул рубашку и теперь освобождался от никотинового пластыря, приклеенного на спину.

– Не думаю, что она пойдет тебе на пользу.

Не обратив внимания на замечание бывшей жены, Себастьян зажег сигарету и как следует затянулся, глубоко вдохнув дым. Потом принялся массировать себе веки. Стараясь не поддаваться гложущей его тревоге, он пытался понять, что же нового он узнал о сыне, осмотрев его комнату. Джереми солгал, попросив разрешения переночевать у Саймона, так как знал, что тот на учебной экскурсии. Он уехал, взяв рюкзак и паспорт, что предполагало долгое пу-

тешество, возможно, даже на самолете. При этом не взял с собой ни мобильного, ни кредитки, которую оформила ему мать, двух «соглядатаев», благодаря которым любая полицейская служба могла бы отследить его перемещения и напасть на след...

– Он не только сбежал, он сделал все, чтобы его не могли отыскать, – произнес он вслух.

– Что толкнуло его на побег? – задалась вопросом Никки.

– Какая-нибудь очередная глупость, которую он совершил. Никаких сомнений. И я полагаю, капитальная глупость, – отозвался Себастьян.

На глазах Никки выступили слезы, в горле встал ком. Тупой страх все болезненнее и ошутимее скручивал внутренности. Ее сын, такой сообразительный, такой умница, был всего лишь неопытной простодушной овечкой. Конечно, ей не нравилось, что он стал воровать. А исчезновение просто повергало в ужас.

Первый раз в жизни она пожалела, что предоставляла ему столько свободы, что, воспитывая его, делала ставку на благородство, доверие, терпимость и открытость. Себастьян прав. Мир сегодня слишком груб, жесток и опасен для идеалистов-мечтателей. В нем невозможно выжить без изрядной доли цинизма, своекорыстия и жесткости!

Себастьян снова затянулся и выпустил дым в сияющий прозрачностью воздух. За спиной у него тихо, по-кошачьи мурлыкал кондиционер. Как же его тоскливый страх не под-

ходил к этому мирному огородику, который жил себе и жил, втиснутый в современный город.

Высоко над домами, вдали от Манхэттена и оживленной суеты мегаполиса, здесь, на крыше, царил покой. Жужжали пчелы, торопясь запастись провизией на зиму, толпились у летка улья. Лучи солнца, пробиваясь сквозь кусты, золотили небольшую бочку в ржавых обручах.

– Расскажи мне, куда ходит, с кем видится Джереми.

Никки погасила окурок в горшке с землей.

– Он проводит время всегда с двумя мальчиками.

– Один тот самый Саймон, – догадался Себастьян.

– Второй Томас, его лучший друг.

– Ты говорила с ним?

– Звонила, оставила сообщение, но он мне не перезвонил.

– Так чего же мы ждем?

– Успеем подловить его у выхода из лица, – сообразила

Никки, взглянув на часы.

Оба тут же вскочили со своих мест и торопливо зашагали по плиткам дорожки, выющейся между ящиками. Прежде чем уйти с крыши, Себастьян ткнул пальцем в подобие палатки, покрытой черным брезентом.

– Что у тебя там?

– Ничего, – слишком уж торопливо ответила Никки. – Ничего особенного. Разные инструменты.

Себастьян взглянул на бывшую жену с подозрением. Он

еще не забыл тех особых ноток, которые появляются в ее голосе, когда она врет. И это был тот самый случай.

Он отодвинул брезентовый край и заглянул внутрь. Укрытые от посторонних глаз, на полу стояло с десяток горшков с цветущей коноплей. Теплица была обустроена лучше некуда: искусственное освещение, увлажнитель воздуха, автоматический полив, пакетики с лучшими удобрениями. Словом, оснащение по последнему слову техники.

– Твоя безответственность не имеет границ! – взорвался он.

– Да ладно! Не устраивай драмы из-за нескольких кустиков травы!

– Травы?! Ты понимаешь, что это наркотик? И ты его выращиваешь!

– Ты тоже можешь выкурить косячок. Расслабишься, вот увидишь.

Себастьяну было не до шуток, он слов не находил от возмущения.

– Не хватало только, чтобы ты еще продавала эту мерзость!

– Я вообще ничего не продаю. Трава для личного употребления. Экологически чистая, собственного производства. Куда более полезная, чем смола, которой торгуют дилеры.

– Это немыслимо! Ты понимаешь, что можешь загреметь в тюрьму?

– С какой стати? Ты собираешься донести?

– А твой дружок Сантос? Уверен, что он как раз и занимается наркоманами.

– У него других дел по горло, можешь поверить.

– А Джереми? Камилла?

– Дети вообще здесь не бывают.

– Не морочь мне голову! – заорал он, тыча пальцем в плакат известной баскетбольной команды, явно только что прилепленный к ограде.

Никки пожала плечами и вздохнула.

– Ты меня достал.

Себастьян отвернулся, надеясь успокоиться, но гнев подымался волной, воскрешая давние обиды, бередя плохо зажившие раны, напоминая, какая на самом деле женщина эта Никки Никовски, ни одному слову которой нельзя верить, женщина, на которую ни в чем нельзя положиться!

В приступе ярости он схватил ее за горло и прижал к металлической этажерке.

– Если ты посвятила моего сына в свои мерзости, я тебя уничтожу! Поняла?! – Потом ослабил хватку, убрав большие пальцы, дав ей возможность вздохнуть. И повторил: – Ты меня поняла?

Никки торопливо набирала в грудь воздух и ответить не смогла. Все еще в приступе ярости, Себастьян снова начал ее трясти.

– Поклянись, что побег Джереми не связан с твоей нар-

котой!

Себастьян нависал над Никки, крепко вцепившись в нее, но внезапно получил болезненный удар ногой по колену и, присев, отпустил бывшую жену.

Никки прилежно училась на курсах самообороны, она отлично освоила приемы. Оказавшись на свободе, она с молниеносной быстротой схватила ржавый секатор и занесла его, метя Себастьяну в живот.

– Еще раз тронешь – убью! Запомнил?

Средняя школа Южного Бруклина – большое здание из красно-бурого кирпича, выходящее фасадом на Коновер-стрит. Приближался час обеда, и, судя по большому количеству фургончиков со съестным, выстроившихся перед школой, можно было догадаться, что еда в школьной столовке не очень-то.

Себастьян с недоверием приблизился к одному из «гастрономических грузовичков», которые с некоторых пор стали колесить по Нью-Йорку, кормя горожан. Каждый грузовичок предлагал что-то свое: один – сэндвичи с омарами, другой – тако, димсамы, филафели... Себастьян, брезгливый поборник чистоты, обычно избегал подобного рода угощения, но если ты ничего не ел со вчерашнего дня и в животе у тебя гремит военный оркестр...

– Не советую брать южноамериканские примочки, – предупредила Никки.

Из чувства сопротивления он пренебрег советом бывшей жены, которой ни в чем нельзя было доверять, и попросил «севиче», перуанское блюдо из сырой маринованной рыбы.

– И какой он из себя, этот Томас? – осведомился Себастьян, услышав, что прозвонил звонок, возвещавший конец занятий, и глядя на двери, откуда хлынул поток учеников.

– Я тебе его покажу, – пообещала Никки и прищурилась, боясь, как бы не пропустить приятеля сына.

Себастьян оплатил заказ и попробовал свою рыбу. Проглотил кусочек. Жгучий, как огонь, маринад обжег ему рот, пищевод, желудок. Он невольно скривился.

– Я предупреждала, – вздохнула Никки.

Надеясь загасить бушующий огонь, он залпом выпил целый стакан оршада⁷, предложенный продавцом. От каштанового молока с отвратительным вкусом ванили Себастьяна чуть не стошнило.

– Вот он! – воскликнула Никки, указывая на одного из пареньков в толпе.

– Какой именно? Прыщавый или второй, с противной физиономией?

– Говорить буду я, хорошо?

– Посмотрим...

Высокомерное выражение лица, хлипкая фигура, джинсы в обтяжку, узкая черная куртка, белая рубашка с открытым воротом, очки-вайфареры и торчащие во все стороны волосы, над которыми трудились не один час. Томас тщательно следил за своей внешностью. Похоже, немало времени проводил в ванной перед зеркалом, ваяя и оттачивая образ юного рокера.

Никки поймала его перед баскетбольной площадкой, рас-

⁷ Прохладительный напиток, изготавливаемый из миндаля, каштанов, чуфы с добавлением молока или воды.

черченной на квадраты.

– Привет, Томас!

– Добрый день, мэ, – ответил тот, убирая мятежную прядь со лба.

– Ты не ответил на мои сообщения.

– Не успел, времени было мало.

– От Джереми ничего?

– Не-а. Мы с ним с пятницы не виделись.

– А почта? Телефонный звонок? Эсэмэска?

– Не, ничего.

Себастьян внимательно приглядывался к подростку. Ему не понравились ни тон, ни вид этого сопляка с готическими кольцами на пальцах, с браслетами и перламутровыми четками на руках. Но он постарался подавить в себе враждебность и спросил:

– А ты не догадываешься случайно, где бы он мог быть?

Томас повернулся к Никки.

– Это еще кто такой?

– Я его отец, балбес!

Подросток отступил на шаг, но стал более разговорчивым:

– В последнее время мы не так часто виделись.

Джереми забивал на встречи нашей компании.

– Почему?

– Предпочитал покер.

– Неужели? – забеспокоилась Никки.

– Наверно, ему нужны были деньги. Кажется, он даже ги-

тару продал и дал объявление в Интернете, чтобы продать цифровую камеру.

– А зачем ему деньги? – спросила Никки.

– Не знаю. Мне пора, извините, я должен идти.

Себастьян положил на плечо паренька руку.

– Не спеши. С кем он играл в покер?

– Не знаю. С кем-то по Сети.

– А если не по Сети?

– Не знаю. Надо спросить у Саймона, – ушел он от ответа.

– Саймон на учебной экскурсии, и ты это прекрасно знаешь, – уточнила Никки.

Себастьян легонько встряхнул паренька.

– Давай, давай! Рожай быстрее!

– Вы не имеете права меня трогать! Я свои права знаю!

Никки попыталась утихомирить бывшего мужа, но Себастьян потерял терпение. Несговорчивый малец действовал ему на нервы.

– С кем Джереми играл в покер?

– Ну... В особой компании... С шулерами.

– То есть?

– С парнями, которые занимают столы, где играют на деньги, и ищут новичков, – объяснил Томас.

– Ищут неопытных игроков и обыгрывают, так?

– Ну да, – подтвердил подросток. – Джереми обожает разыгрывать дурачка и ловит их. Он немало из них вытянул.

– А ставки в игре высокие?

– Да не очень. Не Лас-Вегас же. Ребята играют, чтобы оплатить счета и проценты по кредитам.

Никки с Себастьяном обменялись тревожными взглядами. В этой истории все внушало беспокойство: подпольные азартные игры с привлечением несовершеннолетних, возможные долги, побег...

– И где происходят эти игры в покер?

– В маленьких барах на Бушвик.

– Можешь назвать адреса?

– Нет. Меня такие вещи не интересуют.

Себастьян охотно тряхнул бы паренька еще разок и покрепче, но Никки его удержала: на этот раз, похоже, Томас не врал.

– Ладно, я пошел. Помираю с голоду!

– Последний вопрос, Томас! У Джереми есть подружка?

– У него есть дружок.

Лицо Никки выразило крайнее удивление.

– И ты знаешь, как его зовут?

– Хлипкий такой дядек.

– Что ты говоришь?

– Тощий.

Себастьян нахмурился.

– Мы спросили, как его зовут.

– Лысый! Он гоняет лысого! – громко заржал подросток.

Никки вздохнула. Себастьян схватил парня за воротник и притянул к себе.

– Ты достал меня своими грошовыми шутками! Есть у него подружка или нет, говори!

– На той неделе он говорил, что нашел себе девушку по Интернету. Фотки показывал. Кажется, бразильянка. Классная. Но думаю, это треп.

Джереми не снять такую красотку.

Себастьян отпустил Томаса. Больше из этого парня ничего не вытянешь.

– Позвони, если узнаешь что-то новенькое, – попросила Никки.

– Можете на меня рассчитывать, мэм, – пообещал Томас на бегу.

Себастьян стоял и массировал себе виски. Желторотый в самом деле его достал. Тон, вид, манера говорить – все противоположное.

– Шут гороховый, – вздохнул он. – На будущее придется внимательнее следить, с кем наш сын дружит.

– Сына нужно сперва найти, – тоже со вздохом отозвалась Никки.

Они перешли на другую сторону, где оставили старенький мотоцикл с коляской, на котором примчала сюда Себастьян Никки, древний «БМВ» серии 2 60-х годов прошлого века.

Никки протянула Себастьяну шлем, в котором он уже ехал.

– Куда теперь?

Лицо у Никки было суровое, замкнутое. Версия побега Джереми вырисовалась уже отчетливее. Чтобы добыть денег, он продал гитару и через Интернет выставил на продажу камеру. Предпринял все необходимые меры предосторожности, чтобы его не нашли. Теперь у него перед ними преимущество в три дня.

– Если он уехал вот так, значит, ему было страшно, – твердо сказала она. – Очень страшно.

Себастьян развел руками, признавая свое бессилие.

– Чего он мог бояться? Почему не доверился нам?

– Потому что ты не являешься образцом понимания.

И вдруг у него мелькнула идея:

– А Камилла? Может, она что-то знает о брате? Лицо Никки просветлело. В самом деле, Камиллу стоило расспросить. Близнецы виделись не так уж часто, но в последнее время, похоже, сблизились.

– Попробуй намери ее, – предложил Себастьян.

– Почему я? – удивилась Никки.

– Думаю, так будет лучше. Потом объясню...

Никки набирала телефон дочери, а Себастьян позвонил к себе в офис. Джозеф, заведующий мастерской, оставил для него подряд два сообщения с просьбой срочно связаться.

– У нас неприятности, Себастьян. Тебе пытаются дозво-
ниться из Фаразио и очень сердятся, что ты не отвечаешь на
их звонки.

– У меня тоже неприятности. Причем совершенно не ожи-
данные.

– Послушай! Они тоже совершенно неожиданно приехали
к нам в мастерскую и поняли, что ты не работаешь. И теперь
требуют, чтобы ты до часу дня подтвердил, что выполнишь
обещанное. В этом случае они согласны ждать до вечера.

– А если нет?

– Если нет, они отдадут скрипку на экспертизу Фрустен-
бергу.

Себастьян тяжело вздохнул. Сегодня с утра он открыл
кран, и из него хлынули неприятности, а как его закрыть,
он пока не представляет. Себастьян попытался как можно
спокойнее оценить сложившуюся ситуацию. Продажа Кар-
ло Бергонци вместе с экспертизой должна принести ему 150
000 долларов. Эту сумму он уже внес в свой бюджет, она
нужна ему, чтобы на должном уровне поддерживать мастер-
скую. Кроме финансовых потерь, передача Бергонци в руки
конкурента имеет символическое и очень дурное для него

значение. Скрипичный мир весьма тесен. Все мгновенно становится известно.

Аукцион – престижное событие. Фрустенберг соперничает с ним и не преминет раздуть случившееся, чтобы обернуть молву в свою пользу.

Успех не свалился Себастьяну с луны. Вот уже двадцать лет засучив рукава он работает с музыкантами, людьми капризными, мнительными, нервными. Неуравновешенными и гениальными. Для этих людей, в силу преувеличенного самомнения, вопрос, с каким мастером они имеют дело, – вопрос жизни и смерти. Им непременно надо с самым лучшим. А самый лучший – это он, Себастьян Лараби. Вот уже два десятка лет он работает на то, чтобы фирма по изготовлению струнных инструментов «Лараби и сын» стала самой известной в Соединенных Штатах. И его оценили. Не только за деловую хватку. Оценили его талант, тонкий слух, чуткое внимание к клиенту, благодаря чему тот получал инструмент, который как нельзя лучше соответствовал его индивидуальности и манере исполнения. На анонимных пробах его скрипки часто побеждали даже Страдивари и Гварнери. Он достиг наивысшей награды, его имя стало брендом. С некоторых пор музыканты-исполнители стали приходить к нему в мастерскую, чтобы приобрести скрипку Лараби. Его репутация привлекла к нему с десятков самых известных в мире исполнителей, которые царят в скрипичном мире. Он стал мастером, работающим со звездами, потому что мало-пома-

лу ему удалось убедить всех, что он самый умелый и знающий и потому он, а не кто-то другой должен реставрировать их инструменты и делать для них новые. Но положение «лучшего» всегда хрупко и уязвимо. Оно зависит не только от мастерства, но и от моды, а мода всегда изменчива. В нелегкие времена кризиса Фрустенберг и другие скрипичные мастера сидят в засаде и настойчивее, чем когда-либо, ждут, чтобы он оступился. Стало быть, потеря контракта исключена. Раздумывать больше не о чем.

– Позвони им от моего имени, – попросил он Джозефа.

– Они хотят говорить только с тобой.

– Скажи, что я перезвоню им через сорок пять минут.

За это время он как раз вернется в мастерскую. И сегодня вечером они получают нужную им экспертизу.

Он нажал отбой одновременно с Никки.

– Камилла не отвечает, – сказала она. – Я оставила ей сообщение. Почему ты не захотел позвонить сам?

Он не ответил на вопрос, но предупредил:

– Никки, я должен вернуться к себе в мастерскую.

Она посмотрела на него с недоумением.

– Как в мастерскую? Твой сын исчез, а ты возвращаешься на работу?

– Я с ума схожу от беспокойства, но я не коп. Здесь нужен...

– Я позвоню Сантосу, – оборвала она его. – Уж он-то знает, что делать.

Сказано – сделано. Никки набрала телефон любовника и в общих чертах обрисовала ему историю с исчезновением Джереми.

Себастьян спокойно смотрел на нее. Если она надеялась его задеть, то старалась напрасно. Он и в самом деле ничего не мог сделать. Понятия не имел, как взяться за дело, в какую сторону двигаться. Не имея возможности принять решение, только психовал от бессилия.

Вмешательство полиции, наоборот, его успокаивало. Он только сожалел, что они обратились к властям так поздно.

В ожидании конца разговора он уселся на «обезьянье место»⁸, надел кожаный шлем – теперь, кажется, требуются пластиковые? – и авиационные очки. Он не мог разрулить ситуацию и чувствовал себя отвратительно. Что он тут делает, сидя в коляске этой дурацкой колымаги в не менее дурацком прикиде? По воле каких дьявольских козней вся его жизнь готова полететь вверх тормашками? Почему он снова рядом со своей бывшей женой? Почему его сын совершает глупость за глупостью? Почему пятнадцатилетней дочери пришлось в голову спать с мальчишками? Почему его карьера под угрозой?

Никки замкнулась в себе и молча подошла к мотоциклу. Села, включила газ, мотор взревел, и они помчались к докам. В лицо ей бил ветер, она мчалась, стиснув зубы. Себастьян

⁸ На соревнованиях так называется место для пассажира, так как ему придется совершать чудеса акробатики, чтобы сохранить равновесие мотоцикла.

скорчился в коляске. Он забыл плащ в квартире Никки и теперь дрожал от холода в легком элегантном костюме. В отличие от бывшей жены, он был по натуре домоседом. Авантюрная жилка в нем отсутствовала начисто, и ему куда милее был мягкий комфортный «Ягуар», чем эта задодробилка. К тому же Никки, похоже, доставляло особое удовольствие прибавлять газу на каждой выбоине.

Наконец они домчались до бывшей фабрики, а значит, и до квартиры Никки.

– Я поднимусь с тобой и заберу плащ, – сообщил Себастьян, выбираясь из коляски. – У меня в нем ключи от машины.

– Делай что хочешь, – отозвалась она, глядя в сторону. – Я буду ждать Сантоса.

Он поднялся следом за ней по лестнице. На площадке она отперла железную дверь, а когда толкнула дверь в квартиру, то громко вскрикнула.

Вспоротое канapé, перевернутая мебель, сброшенные с полок вещи. Зрелище разоренной гостиной не оставляло сомнений: в их отсутствие здесь побывали грабители.

С бьющимся в горле сердцем Никки отправилась обследовать квартиру. Все было перевернуто вверх дном. Телевизор вырван из стены, картины сброшены на пол, ящики выпотрошены, бумаги разбросаны по всем углам.

Она невольно вздрогнула в ужасе от варварского вторжения, от надругательства над ее личным мирком.

– Что унесли? – поинтересовался Себастьян.

– Трудно сказать. Во всяком случае, не мой ноутбук. Вон он, на стойке бара в кухне.

«Странно. Очень странно».

На одной устоявшей этажерке Себастьян заметил красивую шкатулку с инкрустацией.

– Что в шкатулке? Что-то ценное?

– Разумеется. Мои драгоценности.

Он открыл шкатулку. Среди колец и браслетов лежали и его подарки. Бесценные изделия от Тиффани.

– Какой грабитель настолько глуп, чтобы отказаться от лежащих на виду ноутбука и драгоценностей?

– Тихо! – перебила его Никки, приложив палец к губам.

Он замолчал, не понимая, чего она хочет, и тут услышал

какой-то скрип и треск. В квартире был кто-то еще.

Махнув Себастьяну рукой, чтобы он оставался на месте, Никки стала подниматься по металлической лестнице на второй этаж. Первой по коридору была ее собственная комната.

Никого.

Следующая Джереми.

Опоздала.

Окно-гильотина, выходящее во двор, с грохотом поднялось вверх. Никки подбежала, выглянула – по пожарной лестнице торопливо спускался вниз довольно плотный мужчина. Она перекинула ногу через раму, готовясь пуститься в погоню. Себастьян удержал ее.

– Оставь его. У него наверняка револьвер.

Она послушалась и перешла из комнаты Джереми в свою. С нее грабители и начали свои поиски. Оглядывая вещи, разбросанные по полу, Никки вынуждена была с горестью признать:

– Они явились сюда не грабить, он искали какую-то конкретную вещь.

Себастьяну была интереснее комната Джереми, ею и он занялся. На первый взгляд из нее ничего не исчезло. Он машинально вернул в вертикальное положение накренившиеся колонки. Страсть к порядку доходила в нем до болезненности, до наваждения, он маниакально любил чистоту, беспорядок действовал на него угнетающе. Поднял и прислонил

к стенке велосипед, выправил накренившуюся полку, которая, похоже, собиралась обвалиться. Собрал с полу и сложил колоду карт. Подобрал алюминиевый чемоданчик и, наводя в нем порядок, с удивлением обнаружил, что керамические фишки сплавлены между собой и каждая стопка – это своеобразная полая трубка. Он стал осматривать эти трубки. В них лежали маленькие пластиковые пакетики. Вытащил один из пакетиков. В нем оказался белый порошок.

«Нет, этого не может быть!»

С колотящимся сердцем Себастьян вытряхнул на постель содержимое двух керамических трубок – с десятков прозрачных пакетиков с белым порошком.

«Кокаин!»

Нет, он не мог в это поверить!

– Черт знает что такое! – растерянно проговорила Никки, подходя к постели.

Ошеломленные, они посмотрели друг на друга.

– Вот что они искали! Тут не меньше кило!

Себастьян все еще не верил своим глазам.

– Это слишком серьезно, чтобы быть правдой. Может, все-таки это игра... Или шутка...

Никки покачала головой, слова Себастьяна не показались ей убедительными. Она надорвала пакетик и лизнула порошок. Горький островатый вкус и ощущение, что язык онемел.

– Это кокаин, Себастьян. Совершенно точно.

– Но как...

Продолжить фразу ему помешала веселая залиvistая трель. Кто-то звонил в дверь.

– Сантос! – воскликнула Никки.

На лицах обоих отразился испуг и нежелание бежать к двери. Впервые за долгие годы они почувствовали себя заодно, встали горой за сына. Сердца бились в унисон: сумасшедшее сердцебиение. У обоих на лбу выступил пот, закружилась голова.

Звонок снова затрезвонил вовсю. Коп проявлял нетерпение.

Ни на какие отсрочки времени не было. Нужно было принимать решение. Мгновенно. Джереми грозила опасность. Смертельная. Если желание спрятать от полиции находку могло показаться самоубийством, то признаться, что их сын прятал у себя в комнате килограмм кокаина, означало усадить его в тюрьму на долгий срок. Поставить под удар его образование. Его будущее. Замуровать для него вход в жизнь. Обречь на тюремный ад.

– Надо... – начал Себастьян.

– Уничтожить эту гадость, – закончила Никки. Единодушие – последний оплот в море опасности.

Уверившись, что они заодно, Себастьян собрал с кровати пакетики и бросился в ванную, где находился и унитаз, собираясь спустить их в канализацию. Никки стала ему помогать, ссыпая остатки «добычи» в раковину.

Снова раздалась заливистая трель.

– Иди открой. Я сейчас приду.

Она кивнула, пошла к лестнице и стала спускаться. Себастьян нажал на ручку бачка, хлынула вода. Но какаин не растворялся, а пакетиков было слишком много. Они не исчезли в глубинах трубы, похоже, напротив, забили ее. Себастьян снова спустил воду, и снова без успеха. В панике он смотрел на беловатую воду, что наполнила унитаз и грозила перелиться через край.

– Чего ты так копаешься? – упрекнул Никки Сантос. – Я уже начал волноваться.

– Не слышала звонка, – соврала Никки.

Она отошла в сторону, пропуская его в квартиру, но он застыл на пороге, обозревая хаос в гостиной.

– Что стряслось? Какой ураган тут бушевал?

Вопрос застал ее врасплох, ответа она не приготовила. Сердце забилось быстро-быстро, на лбу выступили бисеринки пота.

– А что, собственно? Занялась уборкой и...

– Издеваешься, да? Никки, я тебя серьезно спрашиваю.

Она совсем растерялась. Конечно, глядя, что творится вокруг, трудно поверить в уборку. Даже генеральную.

– Ну! Объясни же, что случилось, – потребовал он.

Раздавшийся с лестницы раскатистый голос Себастьяна избавил ее от мучительного допроса:

– Повздорили немного. Случается, не так ли? Сантос в недоумении обернулся, чтобы посмотреть на неожиданного гостя. Собираясь сыграть роль ревнивца, Себастьян постарался придать лицу злобное выражение.

– Вы называете это повздорить? – уточнил коп, обводя рукой разоренную гостиную.

Никки неловко представила их друг другу.

Мужчины поздоровались сухим кивком головы. Себастьян постарался не выдать своего удивления, но Сантос его удивил. Своей внешностью. Выше его на голову, хорошо сложенный метис с тонкими чертами лица ничуть не походил на недалекого грубого полицейского. В хорошо сшитой форме – наверное, обошлась ему в изрядную долю жалования! – красиво подстриженный, безупречно выбритый, он выглядел достойным доверия человеком.

– Нельзя терять ни минуты, – объявил он, окидывая взглядом обоих родителей. – Не хочу вас волновать, но трое суток никаких вестей от подростка – это много.

Он машинально расстегнул пуговицу на воротнике и сухо сообщил следующее:

– Дела об исчезновении подростков обычно ведет местная полиция, но если область поисков выходит за границы одного штата или даже государства, то тогда включаются ФБР и Служба быстрого реагирования при похищении детей. У меня в этой службе есть знакомый. Я уже позвонил и сообщил ему об исчезновении Джереми. Он ждет нас у себя в офисе в Мидтауне, офис расположен в Метлайф-билдинг.

– О'кей, мы едем, – мгновенно согласилась Никки.

– Я поеду на своей машине, – осадил ее рвение Себастьян.

– Не лучшее решение. На моей служебной с мигалкой мы проедем без пробок.

Себастьян выразительно глянул на Никки.

– Мы доберемся туда своим ходом, Лоренцо.

– Чудесно, – язвительно одобрил коп. – Будем и дальше терять время! – Поняв, что их ему не переубедить, Сантос направился к двери. – В конце концов, парень ваш, – закончил он и хлопнул дверью.

Уход копа не снял ни напряжения, ни беспокойства. Оставшись одни, Никки и Себастьян вновь оказались перед мучительной необходимостью выбрать единственно правильное решение. Боязнь ошибиться парализовала их. Они еще не были в силах осмыслить все, что на них свалилось: бегство Джереми, его страсть к покеру, найденный в комнате у сына наркотик...

Они снова вернулись в комнату Джереми. Себастьяну удалось прочистить туалет, пробив засор длинной ручкой щетки. Теперь от наркотика и духа не осталось, но он пока еще не перешел в область дурных снов.

В поисках хоть какого-то следа, намека, указания Себастьян еще раз пристально изучил алюминиевый чемоданчик и его содержимое. Но нет, в нем не оказалось двойного дна, на картах не было никаких значков или надписей и на поддельных фишках тоже. Внутренность чемоданчика была сделана из пенопласта с лунками, на крышке был кармашек. Он сунул туда руку. Пусто. Хотя... Бирдекель, кружок из картона. На одной стороне – реклама марки пива, на обратной – изображение кривого кинжала, что-то вроде стилизованного счета за пиво и адрес:

Бар «Бумеранг»

17, Фредерик-стрит – Бушвик.

Владелец Дрейк Декер.

Себастьян протянул бирдекель Никки.

– Знаешь этот бар?

Она помотала головой. Он продолжал настаивать:

– В этом баре Джереми играл в покер! Так ведь? Скажи!

Он пытался заглянуть ей в глаза, но она отвернулась.

Бледная как смерть, глядя в пустоту, она, казалось, впала в прострацию и отказалась действовать.

– Никки! – громко окликнул он.

Она быстро вышла из комнаты. Он догнал ее на лестнице, дошел с ней до ванной, где она дрожащими руками выпила таблетку успокоительного.

Себастьян взял бывшую жену за плечо.

– Приди в себя, очень тебя прошу. – Он постарался как можно спокойнее изложить ей свой план. – Вот что сейчас нужно сделать. Ты отсоединишь коляску и поедешь на мотоцикле на Манхэттен. Как можно скорее. Тебе нужно встретить у лица Камиллу.

Он глянул на часы.

– Она заканчивает в два. Если выедешь прямо сейчас, то успеешь точно к сроку. Успеть можно только на мотоцикле.

– Почему ты беспокоишься за Камиллу?

– Понимаешь, мы понятия не имеем, откуда в комнате Джереми взялся кокаин, но типы, которым он принадлежит, хотят во что бы то ни стало заполучить его обратно, это ясно.

– И они знают, кто мы такие.

– Да, они знают твой адрес и, разумеется, мой тоже. А это значит, мы все в опасности: ты, я, Джереми и Камилла. Я могу ошибаться, но в таких случаях лучше не рисковать.

Как ни странно, новая угроза подействовала на Никки как стимулятор: она пришла в себя.

– Куда мне ее отвезти?

– На вокзал. Посадишь ее на ист-хэмптонский поезд, и она поедет...

– К твоей маме, – dokonчила Никки.

– Там она будет в безопасности.

Здание лицея Иоанна Крестителя походило на греческий храм. Идеально симметричный фасад из серого мрамора с дорическими колоннами и треугольным фронтоном.

«Scientia potestas est»⁹ – девиз лицея был выгравирован по обеим сторонам монументальной лестницы, которая придавала школе вид святилища. Ледяной холод здания смягчали блики солнца, пробивающегося сквозь оранжевую листву, и щебетание птиц, прыгавших по веткам. Все в этом аристократическом храме науки дышало покоем. Трудно было даже представить, что находишься в сердце Манхэттена, совсем неподалеку от светящихся реклам и всевозможных развлечений Таймс-сквер.

Однако прошло несколько секунд, и монашеской чинности как не бывало. По ступенькам побежали вниз ученицы, и вскоре болтливые стайки заняли весь тротуар. Смех, звонкие голоса. Девочки в одинаковой строгой форме с круглыми воротничками бойко обсуждают мальчиков, развлечения, покупки, свой круг общения в Твиттере и Фейсбуке.

Прислонившись спиной к мотоциклу, Никки прищурилась, стараясь отыскать Камиллу среди летучих батальонов подростков. Невольно ее ухо ловило обрывки разговоров. Беглые замечания юных девиц, к которым она – увы! – боль-

⁹ «Знать – значит мочь» (лат.).

ше не относится. «Я так на него запала, Стефани!» – «В любви я спец, ты же знаешь!» – «Социолог – запарный препод». – «Лично мне это параллельно». – «Я такая ранимая»...

Наконец, к своей радости, она увидела Камиллу. – Мама, что ты тут делаешь? – широко раскрыв глаза, изумилась Камилла. – Я видела, ты оставила мне сообщение...

– У нас очень мало времени, дорогая, я тебе сейчас все объясню. Ты не видела Джереми в эти дни?

– Нет, – ответила дочка.

Никки в двух словах рассказала об исчезновении брата, но, чтобы не пугать девочку, ни словом не обмолвилась ни о разоренной квартире, ни о найденных наркотиках.

– Пока эта история не закончится, папа хочет, чтобы ты провела несколько дней у бабушки.

– Ни за что! У меня на этой неделе сплошные контрольные! И потом, я договорилась о встрече с подругами!

Никки постаралась говорить как можно убедительнее:

– Послушай, Камилла. Я бы за тобой не приехала, если бы не считала, что тебе грозит опасность.

– Какая еще опасность? Брат сбежал, и что? Не в первый раз он бежит!

Никки вздохнула, посмотрев на часы. До поезда на Ист-Хэмптон оставалось меньше получаса, а следующий только в половине шестого.

– Надевай быстро! – сказала она, протягивая дочери шлем.

– Но...

– Никаких «но». Я твоя мать, и если я тебе говорю «делай это», ты делаешь без разговоров!

– Можно подумать, ты не мама, а папа! – жалобно вздохнула Камилла, устраиваясь на мотоцикле позади матери.

– Не надо меня оскорблять, пожалуйста.

Никки оседлала мотоцикл, торопясь расстаться с Верхним Ист-Сайдом. Помчались они по Лексингтон-стрит, пробираясь на большой скорости между машин в каньоне из стекла и бетона. Никки вся сосредоточилась на езде.

«Только без катастроф. Только не сейчас».

Развод отдалил ее и от Камиллы. Она любила ее всем сердцем, но обстоятельства складывались так, что она не смогла наладить с ней по-настоящему близких отношений. Виной тому были, конечно, дурацкие условия, которые поставил Себастьян. Но были и другие, более глубокие причины. Если говорить начистоту, Никки испытывала немалые комплексы по отношению к дочери.

Камилла была блестящей молодой девушкой во всеоружии классической культуры. Совсем еще юная, она прочитала множество книг, посмотрела множество культовых фильмов. С этой точки зрения Себастьян воспитывал ее просто отлично. Благодаря ему дочь попала в привилегированное общество. Он водил ее по театрам, концертам, выставкам...

Камилла росла славной девочкой, покладистой и совсем не высокомерной, но Никки всегда чувствовала ее превос-

ходство, когда в разговоре они вдруг касались области «высокой» культуры. Мать, плетущаяся в хвосте. Мать-недоучка. Стоило ей подумать об этом, и слезы наворачивались на глаза, но она старалась не сосредотачиваться на своей горечи.

Никки на полной скорости обогнула Центральный вокзал и глянула в обзорное зеркало, прежде чем перестроиться, чтобы обогнать пожарную машину.

Головокружительная скорость, ветер в лицо, вкус опасности. Она обожала этот город, она его ненавидела. Его перенаселенность, постоянное движение веселили ее и доводили до сумасшествия.

Крошечный мотоцикл мчался междудвигающихся стен по геометрическим траншеям.

Вой сирен, выхлопные газы, сумасшедшие такси, клаксоны, гул голосов.

Никки пришлось сделать небольшой круг, чтобы попасть на Тридцать девятую, а потом войти в поток на Фэшн-авеню. Перед глазами мелькали картинки: толпа народа, растресканный асфальт, тележки продавцов хот-догов, сверкающие отблески билдингов, длинные ноги в джинсах крупным планом на фасаде.

Нью-Йорк – ад для двухколесных: дорожная полоса забита, и нигде нет стоянок.

– Конечная! Просьба освободить салон!

Камилла спрыгнула и помогла матери запереть мотоцикл.

14 часов 24 минуты.

Поезд отходит через десять минут.

– Скорее, детка!

Они перебежали площадь, лавируя между машинами, и вошли в неуклюжее здание Пеннстейшн.

Если верить старинным фотографиям, развешанным по стенам холла, самый популярный в Соединенных Штатах вокзал когда-то располагался в грандиозном здании с колоннами из розового гранита. Зал ожидания под стеклянной крышей напоминал интерьер собора с химерами, витражами и мраморными статуями. Но золотой век давно миновал. Под давлением предпринимателей увеселительной индустрии могучее здание в 60-х годах разрушили, заменив безликим комплексом офисов, гостиниц и концертных залов.

Никки и Камилле пришлось поработать локтями, чтобы пробиться к окошечку кассы.

– Один до Ист-Хэмптона, пожалуйста.

Кассирша, похожая на Будду, принялась не спеша нажимать кнопки. Вокзал гудел. Мало того что Пеннстейшн служил пересадочным узлом между Вашингтоном и Бостоном, он обслуживал еще станции Нью-Джерси и Лонг-Айленда.

– Двадцать четыре доллара. Поезд отходит через шесть минут.

Никки заплатила и схватила Камиллу за руку, увлекая ее к подземному переходу, который вел к железнодорожным пу-

тям.

На лестнице толкотня. Удушающая жара. Орут ребятишки. Народ толкается. То и дело получаешь под коленку чемоданом. Пахнет потом.

– Двенадцатый путь – это здесь?

Никки изо всех сил тянет за собой Камиллу. Бегом они поднимаются на нужную платформу.

– До отправления осталось три минуты, – объявляет контролер.

– Как только приедешь, позвони, хорошо?

Камилла молча кивает.

Никки наклоняется, чтобы поцеловать дочку, и чувствует, что та в затруднении.

– Ты что-то от меня скрываешь?

Камилле неприятно, что она себя выдала, но вместе с тем она рада, что может избавиться от гнетущей ее тяжести. И решается на откровенность:

– Ты спросила о Джереми... Я обещала не говорить, но...

– Вы с ним виделись, так ведь? – догадалась Никки.

– Да. Он пришел ко мне в полдень в субботу, когда у меня кончились занятия по теннису.

«В субботу, три дня назад».

– Он был ужасно взволнован, – продолжала Камилла. – И очень спешил. У него явно были какие-то неприятности.

– Он не сказал какие?

– Он сказал только, что ему нужны деньги.

– Ты ему дала?

– У меня с собой было очень мало, и он проводил меня до дома.

– Папа был дома?

– Нет, они с Натальей обедали в ресторане.

Поезд вот-вот захлопнет двери. Подбегают последние пассажиры, спеша влезть в вагоны. Никки торопит Камиллу, и та продолжает:

– Я дала Джереми двести долларов, которые были у меня, но ему было этого мало, и тогда мы открыли папин сейф.

– Ты знаешь код?

– Ну да, это же год нашего рождения.

Свисток сообщил, что поезд отправляется.

– Там лежало пять тысяч долларов, – сообщила девочка, уже стоя на площадке. – Джереми пообещал, что вернет их, так что папа ничего не заметит.

Стоявшая на платформе Никки побелела как полотно. Камилла заволновалась.

– Мама! Ты думаешь, с Джереми случилось что-то серьезное?

Двери поезда захлопнулись.

Погода испортилась. В один миг.

Небо стало свинцовым, тяжелые черные тучи закрыли горизонт.

На автошоссе Бруклин – Квинс – Экспрессвэй машины двигались бампер к бамперу. Направляясь по адресу, указанному Сантосом, Себастьян мысленно сортировал то, о чем сейчас сообщит ФБР, и то, о чем умолчит. Выбирать было нелегко. Едва сев за руль, он стал пытаться сложить пазлы в картинку, но слишком многих не хватало. Картинки не получалось. Мучительным и болезненным оставался вопрос: по какой причине Джереми прятал у себя в комнате чуть ли не килограмм кокаина?

Себастьяну приходил в голову только один ответ: потому что украл его. И без сомнения, у хозяина бара, который носит название «Бумеранг». А потом, сам перепуганный тем, что натворил, ударился в бега, пытаясь избежать расправы дилера.

Но как его сын мог очутиться в этом кошмаре? Джереми не дурачок. Его стычки с правосудием были пустяками: мелкое мошенничество, подростковое шалопайство. Ничто – ни далеко, ни близко – не намекало на его связь со страшным преступным миром.

Внезапно движение убыстрилось. Шоссе нырнуло в длин-

ный туннель, чтобы вынырнуть наконец-то на свежий воздух у начала набережной Ист-Ривер.

В кармане Себастьяна завибрировал мобильник. Звонил Джозеф.

– Очень сожалею, – начал начальник мастерской, – но мы упустили контракт. Проводить экспертизу Бергонци будет Фрустенберг.

Себастьян выслушал новость совершенно равнодушно. Сейчас ему было не до контрактов. Зато он воспользовался разговором с Джозефом, чтобы спросить его напрямую:

– Скажи, пожалуйста, сколько может стоить килограмм кокаина?

– Что? Что? Шутишь, что ли? Что там с тобой творится?

– Долгая история. Потом объясню. Ну, как ты думаешь?

– Понятия не имею, – ответил Джозеф. – Я больше разбираюсь в солоде и винах двадцатилетней выдержки.

– У меня нет времени на шутки, Джозеф.

– Понял. Думаю, цена зависит от качества, от того, откуда привезли...

– Об этом я догадался и без тебя. Ты можешь посмотреть в Интернете?

– погоди. Сейчас выйду в Гугл. Так, вышел. Что нажимать?

– Сообрази сам, только быстро.

В телефоне раздался оглушительный треск. Себастьян въехал в зону дорожных работ. Рабочий, отвечающий за дви-

жение на полосе, сделал знак Себастьяну свернуть и ехать в объезд. Поворот на юг, и вот он снова в пробке, которая не дает ему выбраться в нужную сторону.

– Нашел статью, которая может тебе помочь, – снова раздался в трубке голос Джозефа. – Слушай: «Девяносто килограммов кокаина стоимостью в 5,2 миллиона долларов было обнаружено на парковке в Вашингтон-Хайтс».

Себастьян занялся арифметикой:

– Если девяносто килограммов стоят 5,2 миллиона, то килограмм...

– Где-то около 60 000 долларов, – закончил Джозеф. – А теперь ты можешь мне объяснить...

– Не теперь, Джозеф, потом. Спасибо тебе. Я вынужден отключиться.

Луч надежды блеснул перед Себастьяном. У него возник план. Сумма, конечно, значительная, но не чрезмерно. В любом случае он мог ее быстро достать наличными. Значит, действовать он будет так: немедленно поедет в бар «Бумеранг» и сделает предложение этому Дрейку Декеру, от которого тот «не сможет отказаться», а именно: Себастьян возместит стоимость пропавшего наркотика и прибавит в качестве компенсации еще 40 тысяч долларов за беспокойство и за обещание забыть о существовании Джереми навсегда.

«Деньги – единственная сила, против которой устоять невозможно», – любили повторять в их семье. Изречение дедушки Лараби стало своего рода мантрой, семейным де-

визом, который на долгие десятилетия определил их образ жизни. Себастьян долго осуждал подобный образ мыслей, но теперь и сам уцепился за него. И сразу без опаски посмотрел в будущее. Он заплатит дилеру и избавит семью от опасности. Как только им ничего не будет больше грозить, он разыщет сына и сам займется его воспитанием и кругом общения. Еще не поздно. Возможно, случившееся станет для всех них спасением.

Вот так. Решение принято, теперь нельзя терять ни секунды.

Себастьян уже выехал к указателю, но, вместо того чтобы взять направление на Манхэттенский мост, развернулся и снова поехал в сторону Бруклина.

Он торопился в «Бумеранг».

– Вали отсюда, падла!

Эти слова относились к Себастьяну, огибающему компанию бомжей, которые рылись в мусорных ящиках «Пиццы-хат» на Фредерик-стрит. С бутылками пива в руках, которые они складывали в крафтовый мешок, бомжи охраняли свою территорию, отгоняя ругательствами прохожих и водителей, если те оказывались слишком близко.

– Крысиная морда!

Остатки пива потекли по ветровому стеклу. Себастьян поднял стекло со своей стороны и включил дворники.

«Какая прелесть, однако!»

В этой части города он был в первый раз. И не сомневался, что в последний.

В воздухе веяли запахи жирной пуэрториканской кухни. Из открытых окон неслись карибские мотивы. Крыльцо дома украшали доминиканские флаги. Ни для кого давно уже не было секретом, что Бушвик-авеню стала обиталищем латино. Квартал щупальцами расползся в разные стороны, занял немало домов и остался подозрительным. Колонии фриков, которые заполонили Вильямсбург, сюда еще не добрались. Здесь не было юных чудаков, модных художников, биоресторанов, зато были склады, лачуги с крышами из толя, кирпичные домишки, стены, покрытые граффити, и пусты-

ри, заросшие сорной травой.

Улица была широкой и почти безлюдной. Себастьян заметил «Бумеранг», но предпочел поставить свой «Ягуар» на параллельной улочке. Он запер машину и вернулся на Фредерик-стрит, как раз когда на мостовую упали первые капли дождя, сделав Бушвик серым и унылым.

Бар «Бумеранг» ничуть не походил на модную уютную гостиную, он был мрачной грязной забегаловкой, где подавали дешевый виски и сэндвичи – хлеб с мясом – за два доллара. Прилепленная скотчем к железной шторе записка извещала, что алкогольные напитки начинают продаваться здесь только с пяти часов. Между тем металлическая решетка была уже на три четверти поднята, открывая доступ к входным дверям заведения.

Дождь лил уже вовсю, когда Себастьян постучал в закопченное стекло.

Никакого ответа.

Он отважился поднять решетку до конца и попробовал открыть дверь.

Она легко поддалась ему.

Он успел уже промокнуть под проливным дождем, но все же колебался, застыв на пороге. Заведение выглядело мрачно, глубина комнаты терялась в потемках. В конце концов он решил войти и осторожно прикрыл за собой дверь, чтобы не привлекала внимания прохожих.

– Есть тут кто? – спросил он, не без опаски делая шаг впе-

ред.

Сделал еще несколько шагов и зажал рот рукой. От особого специфического запаха у него защекотало в горле и поднялась тошнота. Запах был явственным, настойчивым.

В этой полутемной комнате пахло кровью.

Себастьяну захотелось убежать, но он подавил страх. Подошел к стене и стал искать выключатель.

Тусклый свет растекся по помещению, и Себастьяна охватил ужас.

Куда бы он ни посмотрел, всюду он видел кровь. На полу черные липкие пятна. На кирпичных стенах что-то вроде красного мусса. Стойка бара в бурых потеках. Брызги долетели даже до полок, на которых теснились бутылки за стойкой.

Бойня, по-другому не скажешь.

В глубине комнаты на бильярдном столе в луже крови плавал мертвец.

«Дрейк Декер?»

Себастьян старался держать себя в руках, но сердце у него колотилось как сумасшедшее. Преодолевая панику и отвращение, он подошел к мертвому. Изуродованное тело лежало на спине, вокруг чернела застывшая кровь. Бильярдный стол, на котором лежал труп, походил на алтарь, на жертвенник, где приготовились совершить темное жертвоприношение. Убитый – лысый великан с усами – весил, наверное, килограммов сто. С большим животом, волосатый, он, по-

хоже, был из «медведей», гомосексуалистов, которые нарочито подчеркивают свою мужественность. Его хлопчатобумажные брюки цвета хаки почернели от крови. Распоротая клетчатая рубашка открывала не грудь и не живот, а месиво внутренностей. Кишки, печень, желудок – липкий и клейкий ком.

Себастьян не выдержал. Желудок был пуст, и его стошнило горькой зелено-желтой желчью. Несколько минут он посидел на корточках, не чувствуя сил подняться, весь мокрый от пота, с пылающим лицом, пытаясь перевести дыхание.

Мало-помалу ему удалось преодолеть смятение. Он увидел кожаный бумажник, торчащий из кармана рубашки убитого. С трудом, но все-таки вытащил его и, заглянув в водительские права, убедился, что на бильярдном столе лежит Дрейк Декер.

Когда он пытался засунуть бумажник обратно, тело Дрейка сотрясла конвульсия.

Себастьян чуть не подпрыгнул. Кровь запульсировала в жилах на висках.

«Последнее *посмертное* содрогание?»

Себастьян наклонился к лицу, залитому кровью. «Покойник» открыл глаза. Себастьян вскрикнул и отшатнулся.

«Черт бы их всех побрал!»

Скорее всего, Дрейк уже был в агонии, хрип из его груди смешался с тоненькой струйкой крови, вытекающей изо рта.

«Что же делать?»

Паника. Растерянность. Горло, сведенное судорогой.

Себастьян вытащил мобильник и набрал номер «Скорой». Отказался назвать свое имя, но попросил как можно скорее прислать машину по адресу Фредерик-стрит, 17.

Дал отбой и заставил себя снова посмотреть на лицо и тело Дрейка. Не было никаких сомнений, что «медведя» пытали, не избавив ни от одного из возможных мучений. Кровь пропитала сукно, покрывавшее бильярдный стол. Бортики стола послужили своеобразными плотинами, перекрыв путь потокам крови и направив их в лузы. И вот только теперь Дрейк Декер умер по-настоящему.

Желчь снова обожгла пищевод и подступила к горлу. Зато во рту было сухо. Колени подгибались. В голове лихорадочно бились мысли.

Нужно было как можно скорее бежать отсюда. Обдумает он все потом. Проверая, не оставил ли он здесь случайно какой-нибудь мелочи, Себастьян заметил на стойке бутылку бурбона и рядом налитый наполовину стакан. В виски плавала цедра апельсина и два больших кубика льда. Вид этого стакана заставил его задуматься. Кто пил из этого стакана? Несомненно, «мясник». Тот, кто пытал Дрейка. Но раз лед еще не растаял, значит, он ушел только что...

А если не ушел? Что, если он все еще в этой комнате?

Себастьян направился к двери и услышал позади себя скрип пола. Он застыл. Что, если Джереми – пленник в этой клоаке?

Он обернулся и заметил тень, метнувшуюся за лакированную перегородку.

Еще минута, и из-за деревянных панелей появился огромный детина и устремился к нему.

Широченные плечи, бронзовая кожа, на лице татуировка воинов маори. В руках у детины обоюдоострый боевой нож.

Обмерев от ужаса, Себастьян застыл на месте. Он не поднял даже рук, чтобы защититься, когда нож обрушился на него.

– А ну, брось! Брось нож! – заорала Никки, врываясь в комнату.

Великан от неожиданности замер. Воспользовавшись его растерянностью, Никки метнулась к маори и изо всей силы врезала ему ногой под ребра. Однако великан не потерял равновесия. Напротив, убийца мгновенно пришел в себя. Оба его противника не внушали ему особого страха. Судя по садистской улыбке, которая появилась у него на лице, появление молодой женщины даже придало драке особый шарм.

Себастьян воспользовался передышкой и ринулся в глубь зала. Не потому, что трусил, а потому, что не понимал, как себя вести, что делать. Он не дрался никогда в жизни. Никогда не наносил ударов, не умел их держать.

Зато отчаянно дралась Никки. Она ловко увернулась от ножа, затем увернулась еще раз, резко отклонившись в сторону. Прыжок, поворот, обманное движение туловищем. Никки старалась использовать все, чему их учили в спортзале. Но великан не будет промахиваться вечно, он скоро загонит ее в угол, нанесет смертельный удар...

Его нужно обезоружить! Вырубить во что бы то ни стало! Не обращать внимания на запах крови. Забыть о смерти, которая стала хозяйкой в баре «Бумеранг». Думать только о

Джереми.

«Я не имею права умереть, пока не найду сына!» Никки заметила прислоненный к бильярдному столу кий и схватила его. Кий не так опасен, как нож, зато теперь до нее труднее дотянуться. Вооруженная крепкой деревянной палкой, она ловко отражала атаки маори и даже ухитрилась ткнуть его кием в лицо. Маори взревел от ярости.

Игра, по его мнению, слишком затянулась. Он размахнулся и ударил со всей силы ножом по кию, разрубив его на части. Никки швырнула обломки ему в лицо. Тот от них отмахнулся, будто это были спички.

Себастьян вышел из ступора. Осознав, какая опасность грозит Никки, он в бешенстве схватил висевший на стене огнетушитель, сорвал с него кольцо, надавил на ручку, поднимая раструб.

– А ну, получай в свою мерзкую рожу! – заорал он, направляя в голову маори струю углекислого газа.

Маори в самом деле обернулся, запоздало прикрыв глаза рукой, однако ножа не выпустил. Воспользовавшись тем, что противник временно ослеп, Никки со всей силы ударила его в пах. Себастьян, топчась с ней рядом, в ярости лупил огнетушителем куда придется. Один из ударов достался маори по голове, и тот метнул нож в Никки. Та едва успела увернуться. Нож, не попав в цель, завершил полет, ударившись плашмя о стену.

Ужас перед смертоносным стальным лезвием отпустил

Себастьяна, его охватило что-то вроде эйфории. С несвойственной ему бесшабашностью он ринулся к маори, намереваясь вступить в рукопашную, но наступил в лужу крови, поскользнулся и оказался на полу. Мгновенно вскочил и занес руку, собираясь стереть маори в порошок. Но не успел и получил кулаком в переносицу. Мощный, как молот, удар опрокинул его, перебросив за стойку. Себастьян влетел спиной в полку с бутылками и повалил ее. Вместе с бутылками вниз полетело и большое зеркало. Все это рухнуло, разлетелось вдребезги и осталось лежать грудой осколков. Потеряв сознание от удара, Себастьян рухнул на коврик за стойкой.

Преисполнившись чувства превосходства, великан решил как можно скорее покончить с Никки, схватил ее за шиворот и шваркнул головой о бильярдный стол. Волосы Никки оказались в луже жирной крови. Она вскрикнула от ужаса, оказавшись в нескольких сантиметрах от трупа Дрейка.

Маори принялся отвешивать удары.

Один, второй, третий...

В голове у Никки мутилось, она теряла сознание. Совершив над собой усилие, схватила что попало под руку.

Обломок кия.

Собрав последние силы, Никки ткнула кий прямо в лицо маори. Щербатый острый обломок скользнул по лбу, рассек бровь и с отвратительным звуком погрузился в глаз.

Нестерпимая боль заставила циклопа взреветь, и он выпустил свою добычу. Зажав пустую глазницу рукой, он орал

и крутился вокруг себя.

Последним, кого увидел маори, был Себастьян с осколком зеркала в руке.

Сверкающий как клинок и острый как бритва осколок зеркала перерезал ему сонную артерию.

– Никки! Уходим как можно скорее!

Душным смрадом невозможно дышать.

Маори лежал у стойки, кровь толчками вытекала из сонной артерии, лужа крови росла. Сумрачный темный бар окончательно превратился в бойню. В логово сумасшедшего маньяка, который запасся двумя здоровенными тушами, собираясь заняться их разделкой.

На улице шел дождь, заливая потоками окна. Был ветер. Но не настолько громко, чтобы заглушить вой сирены «Скорой помощи», которая мчалась по улице.

– Вставай, – торопил Себастьян Никки. – Приехала «Скорая», и через пять минут придут копы! – Он помог Никки подняться на ноги и повел, поддерживая за талию. – В баре должен быть черный ход.

Они нашли его и вышли в небольшой двор, а потом в переулок. Они выбрались из ада, и чистый воздух с проливным дождем ощутили как благословение. После всего, что перенесли, они наслаждались струями воды, им хотелось, чтобы они текли бесконечно, вымывая из всех пор запах крови.

Себастьян усадил Никки в «Ягуар», включил зажигание и резко взял с места, в то время как синие вспышки мигалок полосовали мрачную серость Бушвик-стрит.

Они мчались довольно долго, пока наконец не поняли, что

находятся вне опасности. Себастьян остановился возле строительной площадки на пустынной улице Бедфорд-Стивезан.

Выключил мотор. Пелена дождя плотно обняла машину.

– Блин! Какой черт тебя к ним понес?! – набросилась на Себастьяна Никки, у которой не выдержали нервы. – Мы же договорились, что встречаемся у копов!

– Пожалуйста, успокойся. Я решил, что один смогу все уладить. Но ошибся. А ты? Ты-то как туда попала?

– Хотела узнать, что это за место, прежде чем беседовать с представителями отдела похищения детей. И подросла как нельзя вовремя, так ведь?

Никки била дрожь, она никак не могла успокоиться.

– А эти два парня, кто они такие?

– С усами Дрейк Декер. А кто монстр с татуировкой, не знаю.

Никки опустила солнцезащитный щиток и посмотрелась в зеркало. Опухшее лицо, спутанные волосы слиплись от крови, одежда разорвана.

– Как мог Джереми попасть в этот ад? – спросила она сдавленным голосом.

Она крепко зажмурилась, пытаясь справиться со слезами, но выдержка оставила ее, горе захлестнуло, и она безудержно разрыдалась. Себастьян положил руку бывшей жене на плечо, желая ее утешить, но она ее сбросила.

Он вздохнул и принялся массировать себе веки. Голова налилась тяжестью. Похоже, вот-вот начнется жестокая миг-

рень. Рубашка промокла насквозь, и теперь он дрожал от холода. Ему не верилось, что он только что убил человека, перерезав ему горло. Как вышло, что он так быстро позволил обстоятельствам себя смять?

Утром он проснулся в своем удобном уютном доме. Солнце ободряюще светило в окно. А вечером у него на руках кровь, он на волосок от тюрьмы и ничего не знает о своем сыне.

Боль давила на череп, вызывала тошноту, но Себастьян во что бы то ни стало хотел привести свои мысли в порядок. Мозг тасовал картинки одну за другой: встреча с Никки, найденные пакетики с кокаином, изуродованный труп Декера, зверская жестокость маори, осколок зеркала, который он вонзил татуированному великану в горло...

Прогремел гром, ливень усилился. Тонущую в потоках дождя машину сотрясал ветер, она казалась кораблем, попавшим в бурю. Себастьян протер рукавом запотевшее стекло. В трех метрах ничего не было видно.

– Мы не имеем права скрывать от полиции все, что знаем, – сказал он, обернувшись к бывшей жене.

Никки, не соглашаясь, покачала головой.

– Мы только что кого-то убили. Точка невозврата пройдена. Речи не может быть о том, чтобы говорить о чем-то с полицией.

– Никки! Опасность, которая нависла над Джереми, куда хуже, чем то, чего можем опасаться мы.

Она отвела пряди, закрывавшие ей лицо.

– Копы нам не помогут, Себастьян, не строй иллюзий. Когда они окажутся с двумя трупами на руках, им понадобится виноватый.

– Это была законная самозащита.

– Поверь, доказать это будет нелегко. А журналисты так просто с ума сойдут от радости, втаптывая в грязь уважаемого человека.

Последний довод был серьезным. В глубине души Себастьян понимал, что бывшая жена права. Все, что произошло в баре, нельзя назвать обычным сведением счетов между дилерами. Там было не просто убийство, а живодерня. И хотя они с Никки не знали, каким образом Джереми причастен к этой грязной трясине, они знали другое: речь идет о чем-то крайне опасном. И теперь они боялись не только ареста и тюрьмы, которые грозят их сыну. Они боялись, что ему грозит смерть.

Их телефоны зазвонили одновременно. «Партита» Баха у Себастьяна, риф Джими Хендрикса у Никки. Никки взглянула на экран: звонил Сантос, он, похоже, потерял терпение, дожидаясь их в отделе похищения детей ФБР. Она решила не отвечать. Конечно, даст ему о себе знать, но попозже.

Никки искоса взглянула на экран Себастьяна. Код указывал, что звонок заграничный. Он сдвинул брови, давая понять, что номер ему незнаком, однако после секундного колебания решил ответить и включил громкую связь.

– Господин Лараби? – осведомился мужской голос с иностранным акцентом.

– Он самый.

– Что-то мне подсказывает, что вы бы не отказались узнать новости о своем сыне.

Себастьян почувствовал, как к горлу подкатил ком.

– Кто вы такой? Что вы сделали...

– Интересное кино, господин Лараби, – оборвал его голос и отключился.

Потрясенные Никки и Себастьян смотрели друг на друга, они были встревожены и взволнованы.

Хрустальное позванивание заставило их обоих вздрогнуть.

Мейл пришел на телефон Никки. Адрес отправителя был ей незнаком. Она открыла письмо. Текста не было, но был прикреплен файл, и грузился он довольно долго.

– Это видео, – сообщила она.

Рука у нее дрожала, когда она нажала кнопку воспроизведения.

Потом инстинктивно схватилась за руку Себастьяна, ища хоть какой-то опоры.

Фильм начался.

Никки приготовилась к худшему.

По крыше машины продолжал колотить дождь.

Специализированный отдел ФБР по делам о похищении несовершеннолетних размещался на пятьдесят шестом этаже Метлайф-билдинг, гигантского небоскреба, подавившего Парк-авеню массивностью и обилием углов.

Лоренцо Сантос уже места себе не находил от нетерпения, сидя в кресле в приемной, похожей на длинный коридор из стекла и никеля с видом на восточную часть Манхэттена.

Лейтенант нью-йоркского департамента полиции то и дело поглядывал на часы. Он дожидался Никки вот уже битый час. Она что, решила не заявлять о пропаже сына? Но почему? Странное, нелогичное поведение. По ее милости он прослышет идиотом в глазах своего коллеги из ФБР, с которым он срочно договорился об этой встрече.

Сантос вытащил телефон и отправил еще одно сообщение Никки. Третья попытка. Никки явно не желала отвечать на его сообщения. Ее молчание приводило его в ярость. Он не сомневался, что всему виной Себастьян Лараби, ее бывший муж, появление которого его не порадовало.

Черт побери! Что бы ни случилось, он не может потерять Никки! Вот уже полгода, как он влюблен до потери пульса. Ему дорого каждое ее слово, каждое движение. Он следит за любой ее мыслью, вникает в каждый жест. И всегда настороже, боясь лишиться ее, ловит любой намек на опасность со

стороны. Магнетизм этой женщины превратил его в зависимого от ее любви наркомана.

У Сантоса болезненно засосало под ложечкой, его бросило в жар, на лбу выступили капельки пота.

С Никки не дожدهшься спокойной умиротворяющей любви, с ней тебя трясет лихорадка страсти, и от этой лихорадки он терял голову, сходил с ума. Ее кожа, запах, взгляд. Как самый настоящий наркотик, Никки породила в нем зависимость, которая граничила с мукой. Перед ней он был беззащитен, безволен, он сам покорно пошел в ловушку. И теперь уже поздно думать, как из нее выбраться.

Охваченный беспокойством и совершенно разъяренный, Сантос встал и подошел к окну. От стен, среди которых он ждал, веяло холодом и безразличием, зато вид из окна завораживал. Вдали виднелись стальной шпиль и углы Крайслер-билдинг, подвесные конструкции Вильямсбургского моста, суда и лодки, скользящие по Ист-Ривер, а за Ист-Ривер до горизонта – крыши Квинса.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.